

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ фе-
деральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Уголовная ответственность за грабеж»

Студент

К.Е. Иванова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

П.А. Кабанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой _____

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2018

Аннотация

Тема выпускной квалификационной работы – «Уголовная ответственность за грабеж».

Актуальность темы: в доктрине не сложилось единство взглядов на многие вопросы, связанные с реализацией уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за открытое хищение чужого имущества.

Цель – исследования - теоретико-правовой анализ состава грабежа и практики его применения.

Задачи: 1) историко-правовой анализ уголовной ответственности за открытое хищение чужого имущества в отечественном уголовном праве; 2) исследование объекта и объективных признаков состава грабежа; 3) анализ субъекта и субъективных признаков состава грабежа; 4) исследование квалифицирующих признаков как дифференциацию общественной опасности грабежа; 5) выявить проблемы, возникающие при квалификации грабежа и его отграничение от смежных преступлений.

Объект исследования - общественные отношения, возникающие при уголовной ответственности за открытые хищения чужого имущества.

Предмет исследования - нормы действующего уголовного закона, закрепляющие состав грабежа и правоприменительная практика.

Структура работы: введение, две главы, заключение и список используемых источников.

В бакалаврской работе было обращено внимание на то, что законодатель не унифицировал рассматриваемый квалифицирующий признак грабежа. Действительно, грабеж, совершенный с незаконным проникновением в жилище является более опасным способом совершения преступления, чем грабеж, совершенный с проникновением в помещение или иное хранилище. Проведенное исследование незаконного проникновения в жилище как способа совершения грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данные преступления посягают на неприкосновенность жилища, закрепляемой Конституцией РФ, а, следовательно, оно нуждается в

более надежной уголовно-правовой охране. Возникающие на практике затруднения при квалификации преступлений против собственности, совершенные с проникновением в жилище, предполагается решить ведением дополнений и уточнений в определение незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище. Под категорией проникновение в жилище следует понимать тайное или открытое вторжение в жилище или иное помещение, выражающееся в незаконном доступе к имуществу, совершенном как непосредственно, так и опосредованно, путем насилия (физического или психического), подкупа или обмана с целью совершения кражи, грабежа или разбоя.

В связи с чем, целесообразно дополнить п. «в» ч. 3 ст. 161 УК РФ признаком «с незаконным проникновением в жилище», а из п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, данный признак исключить.

Содержание

Введение.....	5
1. Грабёж как форма хищения. Элементы состава грабежа.....	8
1.1 Историко-правовой анализ грабежа как формы хищения.....	8
1.2 Объективные признаки состава грабежа	12
1.3 Субъективные признаки состава грабежа.....	21
2. Проблемы юридической оценки квалифицированного грабежа и его отграниче- ние от смежных преступных посягательств	28
2.1 Квалифицирующие признаки как дифференциация общественной опасности грабежа	28
2.2 Отдельные вопросы квалификации грабежа и его отграничение от смежных преступлений	40
Заключение.....	58
Список используемых источников	63

Введение

Актуальность темы настоящей выпускной квалификационной работы «Уголовная ответственность за грабеж» заключается в следующем.

Во-первых, грабеж как открытая форма хищения чужого имущества представляет особую опасность для населения. По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства Внутренних Дел РФ хищения чужого имущества составляют половину всех зарегистрированных преступлений. Большая часть совершенных хищений составляют грабежи. Так, в 2016 году было зарегистрировано 61,5 тыс. [51, с. 45], в 2017 г. – 56,9 тыс. грабежей [52, с. 45]. За три месяца 2018 года (январь-март) совершено 12,5 тыс. хищений чужого имущества в форме грабежа [53, с. 45]. Несмотря на устойчивую тенденцию снижения уровня открытых хищений чужого имущества в форме грабежа общее количество данных преступлений остается достаточно высоким.

Во-вторых, основным средством борьбы с открытыми хищениями чужого имущества является закрепленная в действующем уголовном законодательстве самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за данные преступные посягательства. Однако существующая правоприменительная практика выявляет многочисленные законодательные недоработки и пробелы. Среди таких проблем можно назвать недостаточную дифференциацию уголовной ответственности за грабеж, отсутствие унификации таких квалифицирующих признаков грабежа, как незаконное проникновение в помещение, иное хранилище либо жилище. Все это в совокупности является причиной неэффективного выполнения задач, направленных на предупреждение данных преступлений.

В-третьих, в доктрине не сложилось единство взглядов на многие вопросы, связанные с реализацией уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за открытое хищение чужого имущества. В частности, не все ученые соглашаются с доктринальным оборотом такого понятия, как «насильственный грабеж».

Разногласия вызывает в науке и такой признак грабежа, как «открытость». Прежде всего, ученые не соглашаются с правоприменительной интерпретацией данного признака, сформулированной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Исследователи считают неприемлемым давать уголовно-правовую оценку на основе субъективных подходов, отражающих предположения о намерениях грабителя, что на практике сложно доказуемо.

Таким образом, обозначенные выше проблемы, которые не являются единственными, обуславливают необходимость проведения теоретико-правового анализа состава грабежа и практики его применения, что составляет цель настоящей бакалаврской работы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести историко-правовой анализ уголовной ответственности за открытое хищение чужого имущества в отечественном уголовном праве;
- 2) исследовать объект и объективные признаки состава грабежа;
- 3) проанализировать субъект и субъективные признаки состава грабежа;
- 4) исследовать квалифицирующие признаки как дифференциацию общественной опасности грабежа;
- 5) выявить проблемы, возникающие при квалификации грабежа и его отграничение от смежных преступлений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при уголовной ответственности за открытые хищения чужого имущества.

Предметом исследования являются нормы действующего уголовного закона, закрепляющие состав грабежа и правоприменительная практика.

При написании данного исследования были изучены и проанализированы труды следующих ученых, которые составили теоретическую базу бакалаврской работы: А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, В.В. Братанова, Ф.Б. Гребенкина, С.В. Дубченко, О.В. Ермаковой, Н.А. Карповой, И.А. Клепицкого, С.М. Кочои, Н.А. Лопашенко, И.В. Упорова, В.В. Хилюта, З.М. Челябовой, Л.В., Чернышевой, П.С. Яни и др.

В соответствии с поставленными целью и задачами исследования, структура бакалаврской работы включает: введение, две главы, поделенные на пять параграфов, заключение и список используемых источников.

1. Грабеж как форма хищения. Элементы состава грабежа

1.1. Историко-правовой анализ грабежа как формы хищения

Прежде чем приступить к непосредственному анализу эволюции отечественного законодательства за грабеж, необходимо отметить, что грабеж относится к преступлениям против собственности. Поэтому исследовать развитие российского законодательства об ответственности за грабеж представляется необходимым в прямой связи с историей развития законодательства о преступлениях против собственности, которая позволит правильно оценить понятие и признаки грабежа.

В целом, в истории развития уголовной ответственности за грабеж, можно выделить три этапа: 1) дореволюционный период, 2) советский период) и 3) пост-социалистический период [24, с. 372].

Основным источником древнерусского права была Русская Правда, в которой все преступления назывались «обидой». В нормах Русской Правды предусматривалась ответственность за разбой, сопряженный с убийством [42, с. 47-63]. При этом разбой и грабеж не различались.

В Псковской судной грамоте 1467 г. [27, с. 11] ответственность за имущественные преступления была разработана более детально. В частности, различия между грабежом и разбоем состояло в том, что «грабеж представлял собой открытое насильственное изъятие имущества, разбой же включал в себя также посягательство на личность» [27, с. 11].

В первом кодифицированном акте Московского государства, т.е. в Судебнике 1497 года «разбой являлся нападением на имущество, соединенным с нападением на человека, если это деяние выступало в качестве ремесла и совершено шайкой» [60, с. 13].

Попытка разграничить грабеж как открытое похищение имущества от разбоя, т.е. хищения, сопряженного с насилием, была предпринята в ст. 25 Судебника,

которая гласила: «А который ища взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинить и бесчестие на нем взять; а в пене, несмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинить; а скажет, что грабил, а не бил, и на том правож доправити, кто скажет грабил, а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет, а в бою суд и правда» [43, с. 101].

Значительные изменения произошли в Соборном Уложении 1649 г., в котором «сам термин «грабеж» (и соответствующие производные от этого слова) применяется достаточно часто (в двадцати статьях различных глав)» [59, с. 380].

Грабеж выступает в качестве самостоятельного состава преступления, включенного в гл. XXI («О разбойных и татиных делах»). Так, в соответствии со ст. 15 «А которые воры на Москве и в городах воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят (здесь и далее выделено нами – авт.), и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездех учинити заказ крепкой и биричем кликати по многия дни, будет где такие воры обявятся...» [44, с. 245, 430].

Несмотря на близость грабежа к разбою, есть и отличия, которые заключаются в том, что «разбой, во-первых, представлял собой явно более тяжкое преступление, и государство весьма жестко и решительно относится к разбоям – преступник не получает никакой пощады, причем это касается и расследования дел, где предусматривается активное использование пыток. В отношении грабежа такого рода жестких предписаний нет. Во-вторых, по складывающейся тогда правоприменительной практике под разбоем понималось нападение с целью хищения имущества, как правило, на пустынных дорогах между населенными пунктами, и обязательно с применением физической силы либо угрозы применения таковой (отсюда выражение «разбойники с большей дороги»)» [59, с. 381].

Важнейший этап развития уголовной ответственности за насильственное завладение чужим имуществом связан с Артикулом воинским 1715 г. [45, с. 327-365] В данном законодательном акте была предусмотрена самостоятельная глава 21, которая так и называлась «О зажигании, грабительстве и воровстве». К иму-

ществленным преступлениям относились: кража и грабеж. Под грабежом понималось похищение чужого имущества, совершенное путем вооруженного насилия или без него. В частности в Артикулах 185 было установлено: «Кто людей на пути, и улицах вооруженною рукою нападет, и оных силою ограбит или побьет, поранит, оного с теми, которые при нем были и помогали, колесовать и на колеса тела их потом положить». Невооруженный грабеж и грабеж без насилия наказывался шпицрутенами: «Ежели кто ворветца без оружия, или войдет в дом без насильства в конюшню или хоромы, или отопрет сундуки, хоромы воровскими ключами, от чего никакого насилия или убийства опасати не надлежало, оного шпицрутенами яко прочих воров наказать».

Впервые понятие хищения было сформулировано в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845: «Похищение чужого имущества, смотря по видам сего преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, воровством кражею, или воровством-мошенничеством».

В ст. 2139 Уложения 1845 г. грабежом признавалось: «во-первых, всякое отнятие принадлежащего ему или находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что сии угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, или свободы того лица; во-вторых, всякое, хотя без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества, в присутствии самого хозяина или других людей». Как можно заметить, различие между грабежом и разбоем заключалось в характере насилия или угроз насилия.

Кроме того, Уложение 1845 г. различало простой и квалифицированный грабеж [67, с. 218].

В Уголовном уложении 1903 г. [46, с. 20] грабеж охватывался составом разбоя, а ненасильственный грабеж - составом воровства.

Таким образом, в уголовном законодательстве дореволюционной России грабеж был определен как похищение чужого имущества, тем самым, отнесен к категории преступлений против собственности.

Следующий этап развития уголовной ответственности за грабеж, связан с советским периодом нашего государства.

В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [6] законодатель дал определение грабежа, под которым в соответствии со ст. 182 понималось «открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего».

Уголовный кодекс 1926 г. [5] также воспроизвел данное понятия грабежа и ввел квалифицированные виды грабежа - повторный грабеж, грабеж, совершенный группой лиц, грабеж особо охраняемого имущества.

Характерным для обоих кодексов являлось то, что состав грабежа был включен в главу «Имущественные преступления».

В последующие десятилетия наказания за хищения, в том числе за грабеж, государственного имущества ужесточались. Помимо лишения свободы на различные сроки предусматривалась ссылка и расстрел, а также конфискация имущества. Обращает на себя внимание, что законодательство рассматриваемого периода устанавливает ответственность и за недонесение о готовящемся хищении [65, с. 221].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [4] грабеж был включен в главу пятую «Преступления против личной собственности». В ст. 145 УК РСФСР 1960 г. грабеж определялся как открытое похищение личного имущества граждан.

Таким образом, в советский период УК РСФСР 1922 г. впервые ввел определения грабежа. УК РСФСР 1960 г. реабилитировал грабеж как самостоятельный состав преступления. Теперь основанием разграничения насильственного грабежа и разбоя являлась степень насилия, что нашло отражение и в ныне действующем Уголовном кодексе РФ (далее по тексту - УК РФ) [2].

1.2. Объективные признаки состава грабежа

В действующем УК РФ уголовная ответственность за грабеж предусмотрена в самостоятельной ст. 161, которая включена в главу 21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики».

Исходя из места расположения состава грабежа в Особенной части УК РФ, можно определить его объект, т.е. охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым причиняется вред.

Однако, прежде чем перейти к непосредственному исследованию объекта грабежа, необходимо отметить, что грабеж является одной из форм хищения. Понятие хищения сформулировано законодателем в примечании 1 к ст. 158 УК РФ.

Все хищения по способу совершения делятся на формы, которых насчитывается шесть – это тайное хищение (кража), открытое хищение (грабеж), хищение совершенное путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество), хищение, совершенное путем нападения, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия (разбой), хищение вверенного имущества путем присвоения или растраты. Кроме того, выделяют еще и виды хищения в зависимости от размера хищения, определяемого стоимостью похищенного имущества на момент совершения преступления. Согласно этому критерию закон выделяет мелкое хищение, «простое», в крупном и в особо крупном размере [13].

Итак, грабеж, являясь формой хищения, относится к преступлениям, которые посягают на совокупность общественных отношений собственности, неприкосновенность которых охраняется уголовным законом. Данные общественные отношения собственности являются видовым объектом рассматриваемых преступлений – в данном случае видовой объект определяется по содержанию главы 21 УК РФ – «Преступления против собственности». Родовым объектом грабежа

являются экономические отношения, охраняемые уголовным законом, что явствует из названия раздела VIII УК РФ – «Преступления в сфере экономики».

Непосредственный объект грабежа – право собственности конкретного лица на определенное имущество. Непосредственным объектом грабежа может быть чужая собственность, а при совершении грабежа с насильем непосредственным объектом этого преступления является помимо собственности еще и личность (телесная неприкосновенность, свобода личности).

Факультативный объект преступления – это общественные отношения, которые в иных случаях заслуживают самостоятельной уголовно-правовой охраны, но при совершении данного преступления могут лишь фактически ущемляться либо ставиться под угрозу причинения вреда. Факультативными объектами при грабеже могут выступать неприкосновенность личности, право на неприкосновенность жилища.

С понятием непосредственного объекта грабежа тесно связано понятие предмета грабежа.

Традиционным для российской теории уголовного права является определение предмета хищения как «чужого имущества», опирающееся на дефиницию хищения, содержащуюся в примечании 1 к статье 158 УК РФ.

При этом уголовное право не предлагает свою трактовку понятия «имущество», а использует на понятийный аппарат, выработанный гражданским правом. Под имуществом, таким образом, понимается совокупность вещей и имущественных прав, находящихся в собственности у какого-либо физического, юридического лица или публичного образования [70, с. 182-183].

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту - ГК РФ) [3] к имуществу относятся «вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права».

Однако право на имущество, наряду с имуществом, выступает предметом только одной формы хищения - мошенничества (ст. ст. 159 - 159.6). Чужое имущество во время совершения хищения должно находиться в чьей-либо собственности

сти или ином законном владении. Посягательство на собственные вещи или права либо такие, принадлежность которых данному субъекту оспаривается, не образует хищения, но может повлечь ответственность за самоуправство (ст. 330 УК РФ).

Уголовное право, определяя предмет хищения, сужает категорию имущества до единственной его разновидности – движимых и недвижимых вещей. Имущество, чтобы выступать предметом хищения, должно быть наделено определенным перечнем признаков. Так, С.М. Кочои предлагает четыре признака предмета хищения: 1) физический – обязательное вещественное выражение предмета хищения; 2) социальный – наличие человеческого труда вложенного в предмет хищения; 3) юридический – имущество, входящее в предмет, находится в собственности другого лица; 4) экономический – предмет наделен определенной рыночной стоимостью [27, с. 116].

Имущество как предмет грабежа характеризуется тремя признаками: материальным, экономическим и юридическим.

Выражение первого состоит в том, что имущество имеет определенные физические параметры: количество, вес, объем и т.д., то есть, вещные свойства. Нематериальные объекты и явления не могут являться предметом хищения (например, различного вида энергия). Так можно незаконно пользоваться электрической, тепловой энергией, но похищать ее (в смысле изъятия с одного места и перемещения пространстве в другое место) физически невозможно.

Второй признак выражается в том, что похищаемое должно обязательно обладать определенной экономической ценностью (стоимостью). Ничтожное имущество не может быть предметом хищения, так как фактически такое посягательство исключает причинение материального ущерба собственнику или иному владельцу имущества. В случае мнимого преступления уголовная ответственность за «хищение» ничтожного имущества исключается.

Юридический признак чужого имущества проявляется в двух аспектах. Во-первых, имущество должно быть чужим для похитителя, т.е. он не имеет никаких, даже предполагаемых прав на него. Именно слово «чужое» является определяющим в этом аспекте. Установление факта предполагаемого или оспариваемого

права имеет большое значение при квалификации содеянного. Во-вторых, предметом преступлений против собственности в смысле главы 21 УК РФ, может быть только имущество, находящееся в свободном гражданском обороте.

При отсутствии хотя бы одного из перечисленных признаков имущество в качестве предмета хищения расцениваться не может.

По поводу того, может ли являться предметом кражи или грабежа недвижимое имущество, в научной литературе существуют различные мнения. Так, по мнению И.Н. Боковой, предмет кражи или грабежа может образовывать исключительно движимое имущество [10, с. 65].

Н.Г. Шухрунов считает, что «недвижимость может выступать предметом кражи или грабежа, но при условии, что можно осуществить ее передвижение в пространстве без особых потерь потребительской стоимости и целевого назначения имущества» [71, с. 112]. С. Складов полагает, что в уголовном праве существует пробел, связанный с установлением ответственности за кражу или грабеж недвижимого имущества [49, с. 12]. Полностью противоположного мнения придерживается А.В. Сидорова, указывая, что предметом кражи или грабежа могут быть как движимые, так и недвижимые вещи [47, с. 107].

Представляется, что недвижимое имущество может выступать лишь предметом тех хищений, в которых законодатель предусмотрел ответственность за завладение имуществом и правом на имущество, поскольку переход недвижимого имущества из собственности владельца во владение, пользование либо распоряжение виновного может быть осуществим лишь в том случае, когда лицо завладевает правом на данное имущество.

Таким образом, следует согласиться с Н.В. Краслянской в том, что по данному вопросу имеется пробел в уголовном праве [28, с. 32]. Для разрешения обозначенной проблемы целесообразно внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 161 УК РФ и указать в ней на тот факт, что предметом грабежа может являться исключительно движимое имущество. С этой целью представляется возможным изложить ч. 1 ст. 161 УК РФ в следующей редакции:

«1. Грабеж, то есть открытое хищение чужого движимого имущества...».

Представляется, что именно такая формулировка диспозиций рассматриваемой статьи будет более правильной.

Таким образом, «предметом преступления в виде грабежа может быть только то имущество, которое человек в состоянии унести или увезти на каком-либо транспорте, что отличает его, например, от мошенничества» [11, с. 94] или присвоения чужого имущества [16, с. 42], где предметом преступления может быть иное имущество [35, с. 64].

Деяние при хищении заключается в изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Это действие противоречит предусмотренным законодательством способам приобретения имущественных прав (является противоправным) и не сопровождается заменой похищаемого имущества его полноценным эквивалентом (является безвозмездным). К обязательным признакам объективной стороны относится также способ совершения хищения [13].

Грабеж является открытым хищением чужого имущества, т.е. хищение совершается в открытой форме.

Понятие открытого хищения дано в п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29) [76]: «открытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет».

Так, Хасанов Д.Р., пришел в магазин, где попросил у продавца магазина, которая ему ранее не была знакома, дать ему займы денежные средства, на что последняя ответила отказом. В этот момент у Хасанова Д.Р. возник умысел на открытое хищение чужого имущества. С целью реализации своего преступного умысла Хасанов Д.Р. перепрыгнул через торговый прилавок, и находясь рядом с

кассовой зоной, из открытой кассовой коробки, которая стояла на столе, в присутствии ФИОБ открыто похитил денежные средства, принадлежащие Потерпевший и вместе с похищенными денежными средствами с места преступления скрылся (Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.03.2018 г. по уголовному делу № 1-115/2018) [94].

Итак, объективная сторона грабежа включает в себя следующие основные элементы:

- похищение имущества, совершенного открыто без насилия или открыто с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего;
- общественно опасные последствия и причинную связь между действиями виновного и этими последствиями.

При этом, последствия грабежа как формы хищения заключаются, с одной стороны, в причинении потерпевшему имущественного ущерба (без учета упущенной выгоды), с другой стороны, в противоправном обогащении самого виновного или лиц, в судьбе которых он заинтересован [13].

Основное содержание грабежа – это похищение, сущность которого «состоит в противоправном изъятии (захвате) имущества из чужого владения в целях незаконного присвоения и обращения его в свое обладание с корыстной целью. Один из конститутивных признаков похищения состоит в противоправном перемещении вещи из владения потерпевшего в незаконное обладание похитителя. Поэтому не может быть и речи о похищении там, где нет противоправного нарушения чужого владения имуществом» [26, с. 246].

Не однозначно решается вопрос о моменте окончания грабежа.

В доктрине уголовного права и в судебной практике можно отметить несколько подходов к определению момента окончания хищений. В соответствии с «теорией изъятия», распространенной еще в СССР, хищение считается окончательным с момента фактического обладания вещью [19, с. 44-46]. «Теория распоряжения» объединяет момент окончания хищения с появлением у виновного реальной возможности распорядиться похищенным имуществом [31, с. 347]. Сторонники другой точки зрения считают, что момент окончания хищения может быть разным,

отталкиваясь от того, в какой форме оно совершается [25, с. 426]. Данная позиция по своей сути более приближена к предыдущей и соответствует положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29.

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 грабеж считаются оконченными, в случае, если имущество изъято и у виновного есть реальная возможность им распоряжаться или пользоваться по своему усмотрению (к примеру, обратить похищенное имущество в свою пользу либо в пользу иных лиц, распорядиться им с корыстной целью другим образом). Разбой признается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, которое совершено с применением насилия, опасного для здоровья или жизни, или с угрозой применения данного насилия.

Зачастую момент изъятия чужого имущества при хищении совмещается с моментом появления у виновного реальной возможности распорядиться и воспользоваться чужим имуществом, а, следовательно, и с моментом причинения имущественного ущерба собственнику либо другому законному владельцу. Это наблюдается при совершении большинства грабежей, краж, присвоений, мошенничеств и растрат. Кардинальное отличие теорий «распоряжения» и «изъятия» в анализируемом вопросе проявляется только в некоторых случаях, как правило, когда дело касается хищений, которые совершены из охраняемых помещений.

Некоторые специалисты предлагают при оценке таких ситуаций отталкиваться от свойств изымаемых предметов, включая их количество [14, с. 72]. Подобная путаница во мнениях часто наблюдается в деятельности правоохранительных органов и судов [14, с. 72].

Так, 11 октября 2017 года Бахтияров Р.М., находясь в торговом зале магазина «Магнит» АО «Тандер», и имея умысел на тайное хищение чужого имущества, с указанной целью подошел к стеллажу, на котором находилась кофейная продукция, откуда с верхней полки похитил принадлежащие АО «Тандер» три упаковки кофе. В это время противоправные действия Бахтиярова Р.М. стали очевидны для директора магазина, который потребовал от последнего возвращения похищенного имущества. Однако Бахтияров Р.М. с целью удержания похищенного имуще-

ства требование Потерпевший проигнорировал и осознавая, что его противоправные действия стали очевидны для окружающих, имея умысел на открытое хищение чужого имущества, продолжил свои преступные действия и удерживая в руках указанные три пачки кофе попытался скрыться с данным похищенным имуществом с места преступления, выбежав из торгового зала магазина, но был задержан преследовавшим его Потерпевший, в связи с чем свой преступный умысел не смог довести до конца по независящим от его воли обстоятельствам. Описанные действия подсудимого Бахтиярова Р.М. были квалифицированы судом по ст. ст. 30 ч. 3, 161 ч. 1 УК РФ, так как он своими умышленными действиями совершил покушение на грабеж, то есть покушение на открытое хищение чужого имущества (Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.03.2018 г. по уголовному делу № 1-78/2018) [95].

В другом случае, суд первой инстанции правильно установил фактические обстоятельства дела по эпизоду хищения имущества ФИО7 и обоснованно сделал вывод о том, что преступление является оконченным, поскольку непосредственно после завладения имуществом ФИО7, Боков А.Н. скрылся с места происшествия, в том числе из вида как потерпевшей, так и подбежавшего к ней свидетеля ФИО2, который при преследовании Бокова А.Н. первоначально его не видел, а побежал в направлении, указанном потерпевшей. При таких обстоятельства у Бокова А.Н. была возможность распорядиться похищенным, что он и сделал, выбросив сумку в кусты, а при задержании его свидетелем ФИО2 похищенного имущества у него при себе не было. На основании вышеизложенного, оснований для переквалификации действий Бокова А.Н. на неоконченный состав преступления по данному эпизоду не было (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного Суда от 27.03.2018 г. по уголовному делу № 22-1495/2018) [84].

Представляется, что реальная возможность распоряжаться изъятыми предметами обычно возникает у виновного параллельно с появлением возможности беспрепятственно вынести изъятое с охраняемой территории. Поэтому попытки

выноса из здания, через проходную некрупных предметов судебно-следственные правильно квалифицируют как оконченное хищение.

Не оконченным признается грабеж, если действия виновного были направлены, к примеру, на хищение имущества на определенную сумму, а похитил только часть.

Так, Н. был признан виновным в совершении грабежа, то есть открытого хищения имущества, принадлежащего гр. К., с причинением ущерба.

Судом апелляционной инстанции было установлено, что Н., увидев в замочной скважине ключи от входной двери квартиры К., забрал их себе. Н. решил проникнуть в квартиру с целью хищения ценного имущества, которое намеревался использовать в личных целях. Во исполнение задуманного Н., незаконно проникнув в квартиру потерпевшей, с целью хищения чужого имущества, умышленно, понимая, что его действия видит другое лицо, открыто, с корыстной целью похитил имущество потерпевшей на сумму 4795 рублей, скрывшись с места преступления с похищенным имуществом, которым впоследствии распорядился по своему усмотрению.

Спустя незначительный промежуток времени Н., продолжая осуществлять ранее возникший умысел на хищение имущества из квартиры К., вновь пришел к ее квартире, имеющимся при себе заранее приготовленными ключами открыл дверь и, понимая, что его действия носят открытый характер, приготовил к похищению имущество потерпевшей на общую сумму 9123 рубля. Однако во время совершения преступления Н. был застигнут на месте свидетелем, и его преступные действия были пресечены.

Таким образом, поскольку умысел и действия Н. были направлены на хищение имущества К. на сумму 13918 рублей, однако похитил он только часть имущества ввиду того, что был застигнут на месте преступления свидетелем и не смог в полном объеме довести до конца по не зависящим от него обстоятельствам свой преступный умысел, содеянное Н. нельзя признать оконченным преступлением.

Судебная коллегия, изменила приговор и переквалифицировала действия Н. с п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как покушение

на грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, с незаконным проникновением в жилище, если преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.09.2017 г. по делу № 22-6867/2017) [83].

Таким образом, грабеж признается оконченным преступлением, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению.

1.3. Субъективные признаки состава грабежа

Субъект грабежа - общий. Им является лицо, совершившее данное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. Субъект грабежа характеризуется следующими признаками:

- 1) физическое лицо;
- 2) вменяемое лицо;
- 3) лицо, достигшее возраста уголовной ответственности за грабеж.

Субъектом любого преступления является только физическое лицо. Юридическое лицо в российском уголовном праве не признается в качестве субъекта преступления, хотя по данному вопросу в доктрине возникает не мало споров.

Вменяемость определяется в УК РФ в негативной форме – невменяемости (ст. 21 УК РФ). Под невменяемостью понимают неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) либо руководить им в силу болезненного состояния психики.

Пунктом 2 ст. 20 УК РФ возраст наступления уголовной ответственности за грабеж установлен с 14 лет.

Снижение уголовной ответственности за грабеж объясняется его высокой общественной опасностью, опасным способом совершения и широкой распространенностью среди несовершеннолетних.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что не подлежит уголовной ответственности и несовершеннолетний, который хотя к моменту совершения общественно опасного деяния не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо достиг возраста, предусмотренного ч. ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ, однако не подлежит уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Следует заметить, что хищение предметов имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ) может быть совершено в любой форме хищения (кража, грабеж, разбой). Субъектом данного состава является лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако, если, к примеру, несовершеннолетний, не достигший возраста 16 лет, но которому уже исполнилось 14 лет, похитит в форме грабежа предметы, имеющие особую ценность, то его действия следует квалифицировать как грабеж по ст. 161 УК РФ.

По мнению законодателя в возрастном диапазоне с 14 до 16 лет несовершеннолетний «определить реальную значимость предметов (а, тем более - документов), с точки зрения их исторической, научной, художественной или культурной ценности вызывает серьезные сомнения. Поэтому, в случаях совершения подростками хищений таких предметов из музеев, частных коллекций, целесообразнее квалифицировать содеянное, в соответствии с представлениями самих подростков, как кражу, грабеж или разбой, за которые ответственность наступает с 14 лет. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные хищения в составе банды, также подлежат ответственности лишь за те конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста» [9, с. 277-278].

Кроме рассмотренных общих признаков, субъект грабежа имеет такой специальный признак, как несобственник похищаемого имущества, т.е. лицо, совершающее грабеж, не обладает никакими правомочиями в отношении изымаемого имущества [9, с. 278].

Грабеж является таким преступлением, при совершении которого вина преступника выражается только в форме прямого умысла и корыстной цели. Руководствуясь корыстным мотивом, он преследует цель незаконного извлечения наживы за счет чужого имущества.

Совершая грабеж, виновный осознает общественно опасный характер своих действий, направленных на открытое похищение чужого имущества, на которое он не имеет законного права, предвидит общественно опасные последствия этих действий и желает наступления ущерба для собственника или иного владельца имущества. В этом проявляется единство сознания и воли виновного, являющиеся необходимым условием наличия субъективной стороны грабежа [56, с. 422].

Например, осуществляя свой преступный умысел, направленный на открытое хищение чужого имущества, А.А.А. умышленно, из корыстных побуждений, осознавая противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного вреда собственнику и желая этого, подошел к Ф.И.О.8 сзади и, осознавая, что его преступные действия очевидны для потерпевшего, но безразлично относясь к этому, сорвал с его плеча матерчатую барсетку, в которой находились денежные средства и сотовый телефон, тем самым открыто похитил имущество, принадлежащее Ф.И.О.8, с которым пытался скрыться с места происшествия (Постановление Президиума Амурского областного суда от 15.02.2016 г. № 44У-128/2015) [82].

Умысел при грабеже включает в себя сознание того, что похищаемое имущество принадлежит на праве собственности государству, организациям или гражданам. Волевой элемент умысла виновного при грабеже, заключающееся в желании завладеть чужим имуществом, определяет и цель его действий. Лицо, совершающее открытое похищение чужого имущества, всегда преследует корыстную цель - извлечение имущественной, материальной выгоды для себя лично или для других лиц (знакомых, родственников и т.д.) [55, с. 214].

Корысть как стремление к извлечению материальной выгоды является обязательным признаком любого хищения, в том числе и грабежа. Поэтому в тех слу-

чаях, когда виновный открыто стремится изъять или изымает чужое имущество, не преследуя при этом корыстной цели, а совершает это, например, из озорства, из хулиганских побуждений, в его действиях нет состава грабежа [57, с. 543].

В то же время, насилие, примененное из хулиганских побуждений, не может свидетельствовать о разбое, даже если после его применения у потерпевшего было изъято имущество (такое деяние в зависимости от обстоятельств дела должно квалифицироваться как кража или как грабеж).

Судебная практика свидетельствует, что «не только хулиганские, но и другие преступные действия, например, изнасилование нередко сопровождаются открытым изъятием чужого имущества. В этих случаях особенно важно установить, с какой целью виновный стремится изъять чужое имущество. Если он это делает для того, чтобы завладеть имуществом в целях обогатиться или таким путем извлечь какую-либо материальную выгоду для других лиц, тогда его действия следует квалифицировать как совокупность грабежа и другого совершенного им преступления. В тех случаях, когда виновный, изымая чужое имущество и завладевая им, не преследует при этом корыстные цели, а лишь с помощью этого стремится добиться какого-либо другого результата, тогда его действия не могут рассматриваться как грабеж. С субъективной стороны грабеж как преступление, представляющее собой одну из форм хищения имущества, всегда предполагает наличие у виновного прямого умысла, направленного на преступное завладение чужим имуществом с корыстной целью» [92].

Если же виновный ставит своей целью открыто завладеть имуществом, которое, по его мнению, является его собственным, то содеянное им нельзя рассматривать как грабеж.

Также не будет состава грабежа, когда виновный открыто изымает чужое имущество в целях лишь временно воспользоваться им либо в целях, например, его уничтожения или повреждения. В последнем случае имеет место другое преступление - умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ).

Так, по одному уголовному делу, виновный показал, что временно позаимствовал телефон с целью показать переписку в соцсетях. Однако обстоятельства дела свидетельствовали об обратном.

Вишняков А.В. избил К. на лестнице, удары наносил рукой и бил головой о ступеньки. Свидетель Р. показал, что Вишняков А.В. сам сообщил ему, что избил К. и забрал у того телефон. Из показаний как Вишнякова А.В., так и Щ. следует, что телефон К. Вишняков А.В. передал своему сыну В. При этом показания подсудимого о причинах, по которым он это сделал – якобы чтобы показать Щ. переписку дочери в соцсетях - ничем не подтверждаются. Суд расценил указанную передачу, как распоряжение похищенным имуществом (Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 17.08.2016 г. по уголовному делу № 1-312/2016) [97].

Помимо цели совершения преступления, закон требует также установления конкретных мотивов каждого преступления. «Сформировавшийся в сознании лица корыстный мотив вызывает и постановку соответствующих целей. Если корыстный мотив - побуждение к действию, то целью совершения этих действий является удовлетворение возникшего побуждения путем открытого изъятия и завладения чужим имуществом для использования его в своих личных интересах, для распоряжения им как своим собственным» [15, с. 95].

Так, по одному уголовному делу судом было отмечено, побуждение осужденных «бороться с наркоманией» фактически было обусловлено корыстным мотивом, стремлением нажиться. Действия потерпевших, которые по просьбе осужденных приобрели для них наркотики, были использованы ими для завладения их деньгами. Осужденные не приняли каких-либо законных мер для задержания ФИО1 и ФИО2, передачи их правоохранительным органам, видеофиксация действий потерпевших ими была использована лишь для вымогательства денег (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 г. по уголовному делу № 22-7471/2017) [85].

При таких обстоятельствах у судебной коллегии отсутствуют основания для признания в качестве смягчающего обстоятельства противоправность и аморальность поведения потерпевших.

Когда закон, определяя понятие умышленной вины, указывает, что при наличии умысла виновный желает наступления предвиденных им общественно опасных последствий, он тем самым подчеркивает, что представление об этом преступном результате и стремление к его достижению есть не что иное, как цель умышленных действий лица. Если корыстную цель определить только как цель присвоения имущества, то такое определение недостаточно четко выявит направленность корыстных имущественных преступлений. Присвоение — не самоцель действий виновного: посредством открытого изъятия и присвоения чужого имущества он стремится к удовлетворению тех или иных материальных потребностей путем распоряжения как своими собственными, незаконно и именно с этой целью присвоенными им ценностями. Цель виновного, в конечном итоге, увеличить свое имущество за счет присвоения чужого, доставить себе или по своему желанию другому лицу материальную выгоду, наживу [37, с. 346].

Поскольку корыстная цель может не совпадать с реально наступившим преступным результатом, можно сделать вывод, что если виновному не удалось фактически распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению, т.е. достичь желаемого результата, это обстоятельство не меняет его правовой оценки.

Внезапно возникающий умысел характерен для подавляющего большинства грабежей [58, с. 456]. Чем выше степень предумышленности грабежа, тем, как правило, больший материальный вред причиняется этим преступлением и тем выше его общественная опасность.

Выводы по первой главе работы:

1. В истории развития уголовной ответственности за грабеж, можно выделить три этапа: 1) дореволюционный период, 2) советский период) и 3) постсоциалистический период. В советский период УК РСФСР 1922 г. впервые ввел определения грабежа. УК РСФСР 1960 г. реабилитировал грабеж как самостоятельный

состав преступления. Основанием разграничения насильственного грабежа и разбоя являлась степень насилия, что нашло отражение и в ныне действующем Уголовном кодексе РФ (далее по тексту - УК РФ).

2. Целесообразно внести изменений в диспозицию ч. 1 ст. 161 УК РФ и указать в ней на тот факт, что предметом грабежа может являться исключительно движимое имущество.

3. Грабеж признается оконченным преступлением, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению.

4. Субъект грабежа - общий. Им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет и не обладающее никакими правомочиями в отношении изымаемого имущества.

5. Грабеж является таким преступлением, при совершении которого вина преступника выражается только в форме прямого умысла и корыстной цели. Руководствуясь корыстным мотивом, он преследует цель незаконного извлечения наживы за счет чужого имущества.

2. Проблемы юридической оценки квалифицированного грабежа и его отграничение от смежных преступных посягательств

2.1. Квалифицирующие признаки как дифференциация общественной опасности грабежа

Квалифицирующие признаки, отягчающие ответственность за грабеж закреплены в частях 2 и 3 ст. 161 УК РФ.

Так в ч. 2 ст. 161 УК РФ предусмотрена повышенная уголовная ответственность по сравнению с составом ч. 1 ст. 161 УК РФ за грабеж, совершенный: группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ); с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ); с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ); в крупном размере (п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ).

В части 3 ст. 161 УК РФ предусмотрены два признака, особо повышающие уголовную ответственность за открытое хищение, совершенное организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ) и в особо крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ).

В данной части настоящей работы более подробно будут рассмотрены указанные признаки грабежа.

Совершение грабежа по предварительному сговору, по словам Л.В. Чернышевой, «связано с возможностью причинить более значительный ущерб, быстрее преодолевать могущее возникнуть или возникшее сопротивление потерпевшего» [68, с. 19].

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. И хотя, в отличие от ч. 1 ст. 35 УК РФ, в которой дается понятие совершения преступления группой лиц без предварительного сговора, в ч. 2 статьи исполнители не упомянуты, высший су-

дебный орган прочно стоит на той позиции, что непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает: исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с соисполнителями. Поэтому, когда суд первой инстанции оценивает действия исполнителя и соучастника как совершенные группой лиц по предварительному сговору, вышестоящая инстанция этот признак исключает.

Сложности в судебной практике возникают при оценке действий соучастников, когда один из них совершает преступление, не охватывающееся умыслом других соучастников (ст. 36 УК РФ). Эксцесс исполнителя возможен при любой форме соучастия - совершении преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией). Широко известны примеры, когда суд первой инстанции, оценив деяние лица как эксцесс исполнителя, вменяет квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, а вышестоящая инстанция изменяет такое решение.

Так, при оценке действий соучастников суд указал: «Как следует из предъявленного Симанову и Левченкову обвинения, между ними состоялся предварительный преступный сговор не на разбойное нападение, а на открытое хищение чужого имущества. Именно с целью его реализации они незаконно проникли в жилище потерпевшего. Существо предъявленного обвинения содержит описание действий каждого из соучастников преступления: Левченков, требуя передачи имущества, нанес удар металлическими щипцами по ноге одному из потерпевших, причинив телесное повреждение, не повлекшее вреда здоровью, а Симанов, взяв со стола нож, угрожая им другому потерпевшему, то есть угрожая применением насилия, опасного для жизни и здоровья, также потребовал передачи чужого имущества. Обвинение не содержит указания на то, что умыслом Левченкова К.С. охватывались действия Симанова Р.Л., содержащие угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья». В результате из квалификации действий осужденного Симанова по ч. 3 ст. 162 УК РФ суд исключил признак «по предварительному сговору группой лиц» и переqualificировал действия Левченкова с ч. 3 ст.

162 УК РФ на п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 24.11.2015 г. Дело № 22-3178) [81].

Однако действия виновные совершали одновременно и в одном и том же месте, поэтому специально указывать в обвинении на осознание Левченко того, что Симанов угрожал одному из потерпевших насилием, опасным для жизни и здоровья, не было нужды. Левченко после угрозы со стороны Симанова в адрес потерпевшего продолжал свои преступные действия, поэтому содеянное им следовало квалифицировать как совершение разбойного нападения в группе с Симановым.

Наиболее сложный для современного правоприменения вопрос связан с исключением признака «группой лиц по предварительному сговору», поскольку, как указал суд, предварительной договоренности о совершении разбойного нападения у соучастников не было. В п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 разъяснено: «В тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками». Стало быть, исходя из позиции Пленума, участники кражи или грабежа, использовавшие для завладения имуществом примененное одним из соучастников насилие, опасное для жизни и здоровья, становятся соучастниками разбоя.

Несмотря на новую позицию Пленума Верховного Суда РФ, суды принимают порой иные решения. Причем по делам о перерастании в разбой не только кражи, но и грабежа.

Так, согласно решению вышестоящей инстанции суд, давая правовую оценку действиям Еринджакянца и Матвеева, пришел к выводу, что Еринджакянец совершил действия, выходящие за пределы их договоренности о совершении преступления, т.е. признал в действиях Еринджакянца эксцесс исполнителя. Однако, установив данные обстоятельства, суд ошибочно квалифицировал действия Еринджакянца при совершении разбойного нападения на потерпевшего Н.А.А. по признаку предварительного сговора группой лиц. В определении приводятся данные из материалов дела: «Матвеев сел на переднее пассажирское сиденье, а Еринджакянец - на заднее сиденье, позади него (Н.А.А.). Во время поездки Матвеев сделал вид, что ему стало плохо, в связи с чем Еринджакянец попросил остановить машину. После того как Н.А.А. остановил машину, Еринджакянец обхватил его левой рукой за шею, а правой стал наносить ему удары ножом в правую часть груди. В какой-то момент ему удалось выскочить из машины и отбежать в сторону. Матвеев побежал за ним, замахнулся на него палкой, но он увернулся от удара. Затем Еринджакянец позвал Матвеева, они вдвоем сели в его автомашину и уехали, а он сообщил о случившемся диспетчеру». Действия Матвеева квалифицированы судом по п. п. «а», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ (Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 18.03.2016 г. Дело № 22-30/2016) [86].

Таким образом, Матвеев, договорившись с Еринджакянцем о совершении грабежа, использовал для завладения имуществом примененное Еринджакянцем насилие, опасное для жизни и здоровья, и стал согласно новой позиции Пленума Верховного Суда соисполнителем разбоя. Помимо ссылки на приведенное выше разъяснение Пленума, при квалификации следовало учесть, что Матвеев уже после нападения Еринджакянца на потерпевшего и нанесения ножевых ранений побежал за потерпевшим, замахнулся на него палкой, но тот увернулся от удара. С учетом сказанного Матвеева следовало привлечь к ответственности за совершение группового разбоя, а не грабежа.

Итак, по смыслу п. 14.1 рассматриваемого Постановления Пленума, если после совершения разбойного нападения одного из лиц, заранее договорившихся

совершить кражу или грабеж, другие соучастники присоединились к преступным действиям данного исполнителя в том смысле, что хотя и не применяли сами к потерпевшему насилие и не угрожали ему, но продолжили совершать хищение, то содеянное из кражи или грабежа переросло в совершение разбоя, в том числе и указанными лицами.

В апелляционном определении по уголовному делу Верховный Суд РФ, воспроизведя приведенные выше разъяснения Пленума, отметил: «Жегунов хотя сам и не применял насилие к потерпевшему, однако продолжил свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным Моисеенко насилием, опасным для жизни и здоровья, М., желая завладеть имуществом потерпевшего, собирал в доме последнего ценные вещи». Однако далее высший суд заключил: «Поскольку согласно положениям ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совершении преступления, а материалами дела данное обстоятельство подтверждено не было, указание о квалификации действий осужденных в части разбойного нападения на потерпевшего М., как совершенных по предварительному сговору группой лиц, следует из приговора исключить, а наказание, назначенное осужденным: Моисеенко А.В. по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и Жегунову С.В. по ч. 3 ст. 162 УК РФ, смягчить соответственно уменьшению объема обвинения, признанного доказанным» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.01.2017 г. № 48-АПУ16-47) [78].

Таким образом, решение суда противоречит изложенному в п. 14.1 Постановления Пленума правилу, согласно которому при таких обстоятельствах соучастники должны нести «уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками». Однако, как представляется, суд апелляционной инстанции прав, поскольку если соучастники заранее договорились о совершении именно кражи или грабежа, то, стало быть, в предварительный сговор на совершение более опасного преступления - разбоя - до совершения преступления они не вступали. Когда же один из соисполнителей совершает более опасное деяние, о котором

другие соучастники заранее не договаривались, они могут лишь присоединиться к совершаемому преступлению, став его соисполнителями без предварительного сговора. Данной позиции придерживается, например, Ю.А. Клименко [23, с. 22-24].

В связи с изложенным в п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 необходимо внести уточнение, исключив указание на квалификацию содеянного в обсуждаемом случае по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Тогда как образующаяся в данном случае группа лиц без предварительного сговора окажет влияние не на квалификацию деяния, а на наказание. О чем Пленум говорит в п. 12 данного Постановления: «Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения кражи, грабежа или разбоя группой лиц без предварительного сговора, содеянное в таких случаях следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации) по части первой статьи 158, части первой статьи 161 либо части первой статьи 162 УК РФ. Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных частью первой статьи 35 УК РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на пункт «в» части первой статьи 63 УК РФ» [40, с. 66].

Совершение грабежа в составе организованной группы (п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ) признается в случаях, когда в нем участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости организованной группы помимо большого временного промежутка ее существования может свидетельствовать неоднократность совершения преступлений членами группы, их сплоченность и техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления.

Так, в ходе судебного разбирательства из показаний М. и К.З. установлено, что осужденные и неустановленные лица заранее договорились о хищении ювелирных изделий из магазина ООО, подготовились к этому преступлению, выбрали

время нападения, учли сведения о работниках, находившихся в магазине. Однако из этих показаний не усматривается, что соучастниками преступления разрабатывался план совместной преступной деятельности, распределялись функции между членами группы при подготовке к указанному хищению. Доказательств тому, что осужденные объединились именно для совершения преступления в приговоре не приведено, М., К.З. и А. связывали личные и дружеские отношения, с Ш. до преступления они знакомы не были. Кроме того распределение преступных ролей между соучастниками само по себе не означает совершение преступления организованной группой. Исходя из этого, вывод суда о совершении осужденными указанного преступления организованной группой является необоснованным. Вместе с тем в действиях М., К.З., А. и Ш. усматривался признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» (Апелляционное определение Московского городского суда от 29.06.2017 г. по делу № 10-9352/2017) [90].

Следующим квалифицирующим признаком грабежа является незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище.

По мнению А.В. Наумова: «проникновение - это тайное вторжение в жилище или хранилище с целью изъятия чужого имущества, оно предполагает незаконный доступ к имуществу, недозволенное вхождение в жилище, помещение или хранилище вопреки воли лица, ведающего находящимся в них имуществом или охраняющего его» [41, с. 254]. С.А. Елисеев выделяет три группы приемов проникновения в жилище:

- 1) взлом (устранение преград или запоров);
- 2) специальные приспособления или уловки (технические приспособления, обман, иные ухищрения);
- 3) свободный доступ (хищение из незакрытых помещений).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 закрепляет, что «решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, признака незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище, судам необходимо выяснять, с какой целью виновный оказался в помещении (жилище, хранилище), а также когда возник умысел на завладение чужим имуще-

ством» (п. 19). Если лицо находилось в жилище правомерно, не имея преступного намерения, но потом совершило кражу, разбой или грабеж, то в его действиях отсутствует признак проникновения. Так же данного признака не будет в случае, если виновный против воли проживающих в нем лиц проник в жилище с целью повреждения имущества, а умысел на хищение возник у него, когда он находился в жилище.

Вопрос о квалификации содеянного в случае, когда лицо, не входя в помещение, изымает имущество рукой, остается дискуссионным. Немаловажное значение для вменения проникновения в жилище имеет «глубина вторжения». Так, Верховный Суд РФ в выше обозначенном постановлении не расценивает кражу вещей с подоконника открытого окна как вторжение в жилое помещение, поэтому квалификация деяния как хищения с проникновением в жилище здесь не требуется. Однако, когда лицо, в процессе кражи повредив москитную сетку окна, рукой проникло в помещение кухни, расположенной в квартире, откуда с подоконника похитило имущество, то в указанных действиях наличествует признак проникновения в жилище. Проникновение в последнем случае считается состоявшимся, поскольку виновным для совершения хищения было преодолено установленное владельцем имущества приспособление, которое наряду с основной своей функцией - препятствовать проникновению насекомых - существенно и очевидно для всякого постороннего лица ограничивало доступ в квартиру как месту хранения принадлежащих владельцу ценностей [73, с. 38-44].

Проанализированная практика судов первой инстанции позволяет констатировать, что действия, в виде протягивания руки, квалифицируются в качестве незаконного проникновения. Так, Вышневолоцкий городской суд в Тверской области признал виновным Павловского Ф.А по уголовному делу №1-58/10 в совершении кражи с проникновением в жилище при следующих обстоятельствах: «...Павловский Ф.А. незаконно проник в жилище через открытое окно, протянув руку, тайно похитил с подоконника комнаты дома мобильный телефон...».

Также Шадринский районный суд Курганской области признал виновным Василкова Д.С. в совершении кражи с проникновением в жилище при следующих

обстоятельствах: «...около 23ч. Василков Д.С. с корыстной целью, имея умысел на тайное хищение чужого имущества, подошел к окну дома. Протянув руку в открытую форточку, незаконно проник внутрь дома, где с гвоздя на оконной раме тайно похитил мобильный телефон...».

Многие исследователи справедливо обращают внимание на то, что законодатель не унифицировал рассматриваемый квалифицирующий признак грабежа [68, с. 20]. Проведенное исследование незаконного проникновения в жилище как способа совершения грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данные преступления посягают на неприкосновенность жилища, закрепляемой Конституцией РФ, а, следовательно, оно нуждается в более надежной уголовно-правовой охране. Что, несомненно, сократит количество грабежей с проникновением в жилище. Возникающие на практике затруднения при квалификации преступлений против собственности, совершенные с проникновением в жилище, предполагается решить ведением дополнений и уточнений в определение незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище. Под категорией проникновение в жилище следует понимать тайное или открытое вторжение в жилище или иное помещение, выражающееся в незаконном доступе к имуществу, совершенном как непосредственно, так и опосредованно, путем насилия (физического или психического), подкупа или обмана с целью совершения кражи, грабежа или разбоя.

В связи с чем, целесообразно дополнить п. «в» ч. 3 ст. 161 УК РФ признаком «с незаконным проникновением в жилище, а из п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, данный признак исключить.

Квалификация насилия, не опасного для жизни или здоровья, как способа совершения квалифицированного грабежа, зависит от определенных условий. Это объем насилия, время совершения насилия и непосредственная связь его с хищением. Отсутствие единообразия толкования данных признаков порождает противоречивую квалификацию рассматриваемого преступления.

Так, Царенко, зная, что замок на входной двери квартиры Логиновой неисправен, в 1 час ночи проник в ее жилище, когда она спала, похитил из ее сумки кошелек с деньгами. В этот момент Логинова проснулась и увидела его. Царенко

нанес три удара кулаком по ее лицу (Приговор Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 16.05.2013 г. по уголовному делу № 1-142/2013) [106]. В данном случае насилие, не опасное для жизни или здоровья (удары кулаком по лицу), применялось в целях удержания похищенного имущества. Насилие не повлекло кратковременного расстройства здоровья, но причинило физическую боль.

Долгих ночью подошел к Мошковцеву и нанес ему удар кулаком в лицо. Когда тот упал, ударил потерпевшего три раза ногой по голове и телу, затем стал обшаривать карманы с целью хищения чужого имущества. Ничего не найдя, потребовал у Мошковцева снять куртку и передать ему. Когда тот не отреагировал, сам снял с потерпевшего куртку и скрылся. Суд квалифицировал по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Вид насилия – побои (Приговор Промышленновского суда Кемеровской области от 19.06.2012 г. по уголовному делу № 1-134/2012) [108].

Тутубалин в состоянии опьянения пришел к Т.М. и потребовал деньги в сумме 1 тыс. руб. Получив отказ, стал обыскивать квартиру в поисках денег. Не найдя, стал швырять в Т.М. предметы, затем толкать ее в стену, бить по голове и щипать, требуя денег, угрожал облить горячей водой из чайника. Боясь продолжения насилия, Т.М. отдала деньги. Суд квалифицировал грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, и угрозой применения такого насилия (Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 18.06.2014 г. по уголовному делу № 1-190/14) [105].

Иванов подбежал сзади к Н., толкнул его в спину, отчего потерпевший упал, затем навалился на лежащего и стал осматривать его карманы с целью хищения денег (Приговор Завьяловского районного суда Алтайского края от 28.02.2014 г. по уголовному делу № 1-13/2014) [99]. Насилие здесь выразилось в ограничении свободы путем удержания потерпевшего на земле и причинении боли.

Шаламов, находясь в торговом павильоне, увидел кассовый аппарат, подошел и вытащил из него металлический ящик с деньгами в сумме 11845 руб. Продавец П. преградила ему путь. Шаламов, с целью удержания похищенного, дважды

ударил ее в плечо и в голову. Она упала. Шаламов скрылся. Квалификация суда – п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 15.08.2012 г. по уголовному делу № 1-478/2012) [107].

Коновалов, Симонов, Шишко нанесли Колтунчику ряд ударов по голове и телу в подъезде дома, затем Коновалов выхватил у К. из рук сумку с ноутбуком и двумя сотовыми телефонами. Последствиями побоев явились гематомы, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья. Квалификация – грабеж группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 18.08.2011 г. по уголовному делу № 1-411/2011) [109].

Таким образом, объем насилия при грабеже в исследованной правоприменительной практике варьируется от причинения физической боли: сильные толчки, побои (включая один удар), щипание, удары ногами, в т.ч. в голову, до удержания с использованием приема захвата. Все это не причиняет кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. При этом вызывает определенное сомнение в правильности отнесения множественных ударов по голове ногами к не опасным для здоровья в момент причинения [21, с. 38].

Судебная практика чаще всего руководствуется правилом – насилие должно быть применено во время или после совершения хищения (в последнем случае в целях удержания имущества). Так, К. после взаимных оскорблений с Б. зашел следом за ней в подъезд, нанес удар кулаком в висок, отчего потерпевшая упала на пол, сорвал с шеи золотую цепь с подвеской и пошел в ломбард. Следственные органы вменили К. п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ – грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Суд квалифицировал совокупность побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и простого грабежа (ч. 1 ст. 161 УК РФ) в связи с утверждением виновного, что умысел на хищение у него возник после нанесения побоев (Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула от 29.10.2014) [100]. Совершение побоев до начала хищения находится в прямой зависимости от доказательств момента возникновения умысла.

Существенное значение для точной квалификации приобретает закрепление доказательств умысла на грабеж и подтверждение непосредственной связи его с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья.

В п. «д» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ предусмотрены такие квалифицирующие признаки грабежа, как совершенные в крупном размере (квалифицированный вид) совершается на сумму, превышающую 250 000 рублей, а в особо крупном размере - превышающую 1 000 000 рублей (примечание 4 к ст. 158 УК РФ).

При квалификации действий виновных суды учитывают то, что несмотря на то, что фактически осужденные завладели относительно небольшой суммой денег, материалы дела свидетельствовали о том, что в момент нападения сумма, которую они рассчитывали похитить, составляла 8 миллионов рублей, что являлось особо крупным размером, который составляет согласно примечанию к ст. 158 УК РФ один миллион рублей (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 30-АПУ17-4) [79].

Кроме того, при установлении крупного или особо крупного размера похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления и при отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов (Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.06.2016 г. по делу № 10-9520/2016) [89]. При этом, закон не требует учета дополнительных обстоятельств, включая имущественное положение потерпевшего, значимость похищенного имущества для потерпевшего, размер заработной платы, совокупный доход членов семьи, и др. (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.08.2016 N 73-АПУ16-14) [80].

Таким образом, проведенный анализ квалифицирующих признаков грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данные признаки в целом совпадают с аналогичными признаками состава кражи (ст. 158 УК РФ), с некоторыми исключениями.

2.2 Отдельные вопросы квалификации грабежа и его отграничение от смежных преступлений

Проведенный анализ юридических признаков грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данный состав преступления является достаточно сложным. При этом трудности в квалификации возникают не только при отграничении грабежа от смежных составов преступлений, но и внутри самого состава.

Так, одним из спорных моментов, вызывающих трудности при квалификации грабежа на практике является такой способ открытого хищения, как рывок. Уголовно-правовая доктрина также, касаясь регламентации и ответственности за грабеж, нередко задается рядом вопросов касательно такого его способа, как совершение посредством рывка. Наибольшее число дискуссий вызвано вопросом соотношения рывка и насилия, Стоит заметить, что рывок имеет в себе оценочные признаки, как и понятие «насилие» [64, с. 23-26].

Следует обратиться к уголовно-правовой оценке изъятия имущества посредством «рывка», а также рассмотреть позиции судов относительно этого способа.

Понятие рывка, на сегодняшний день, не находит своего законодательного определения. Постановление Пленума Верховного Суда № 29 также определения этого понятия не приводит. В то же время уголовно-правовая доктрина и судебная практика позволяют говорить о распространенности использования рывка в качестве способа грабежа [62, с. 48]. Поэтому рассматриваемая проблема никогда не была обойдена исследователями. Так, Г.Н. Борзенков считает, что в основе рывка в грабеже лежат действия, которые отличаются ловкостью и виртуозностью виновного при изъятии чужого имущества. Действия его при этом резки, неожиданны, внезапны для потерпевшего или других лиц [12, с. 28]. Совершение грабежа таким способом не исключает возможности неосторожного причинения вреда здоровью [9, с. 458]. В этой связи Н.А. Лопашенко была высказана точка зрения о необходимости дополнительной квалификации по ст. 118 УК РФ в случае причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности [33, с. 164], с чем согласны и другие исследователи, например, Н.К. Карпова [20, с. 36].

Большинство ученых различают усилия виновного при совершении рывка и физическое насилие [29, с. 126; 41, с. 156]. Так, Е.О. Щербакова не видит в рывке проявлений физического насилия, ведь действия виновного направлены на имущество, а не на жизнь и здоровье потерпевшего [72, с. 19-20]. Полагаем, с этим можно согласиться, так как под насилием в уголовном праве общепринято понимать общественно опасное противоправное воздействие на организм и психику человека против и помимо его воли [66, с. 54], а рывок определяет лишь сам способ завладения имуществом.

Таким образом, в обосновании мнения специалистов, не отождествляющих рывок с физическим насилием, лежит отсутствие у виновного умысла на применение насилия, а также то, что физические усилия при рывке направлены именно на похищаемое имущество, что характеризует открытый способ хищения.

Сложившаяся судебная практика также приводит примеры, которые свидетельствуют, что совершение деяния посредством рывка не считается применением насилия [22, с. 396].

Так, имея прямой умысел на открытое хищение чужого имущества, А. совершил сильный рывок за ручку сумки потерпевшей, от чего та по инерции упала на землю, ударившись головой и передней частью тела о землю. А. ее не толкал, ударов потерпевшей не наносил. Заключение судебно-медицинской экспертизы показало, что обнаруженные у нее телесные повреждения являются результатом ее падения от рывка за ручку сумки для ее изъятия. Таким образом, А. насилия к потерпевшей не применяя. Ввиду этого гособвинитель изменил объем обвинения, отказавшись от квалифицирующего признака, предусмотренного и. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. На основании этого Кировский районный суд г. Астрахани квалифицировал его деяние по ч. 1 ст. 161 УК РФ (Приговор Кировского района г. Астрахани от 21.05.2014 г. по уголовному делу № 1-166/2014) [102].

Такая оценка действий виновного судом представляется верной, как и в следующем подобном деле Кировского районного суда г. Омска, где позиция обвинения была переквалифицирована с насильственного грабежа на ч. 1 ст. 161 УК РФ, так как падение вышло за рамки умысла виновного и явилось следствием падения

от рывка (Приговор Кировского района г. Омска от 25.01.2014 г. № 1-43/2014) [104].

Однако в уголовно-правовой науке существуют и мнения авторов, отождествляющих рывок с физическим насилием, характеризующим насильственный грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). По мнению И.Г. Филановского, рывок всегда равнозначен физическому насилию [61, с. 133].

В.И. Симонов, В.Г. Шумихин, П.С. Яни считают, что иногда применение рывка надлежит рассматривать как физическое насилие [48, с. 7-8; 74, с. 40].

Ф.Б. Гребенкин отмечает, что судам при квалификации грабежа, совершенного путем рывка, следует исходить из конкретных обстоятельств дела, ставя это в зависимость от степени доказанности этих обстоятельств. Также он не исключает действия субъекта, которые судам следует квалифицировать, как грабеж с применением психического насилия, объясняя это возникновением во время рывка страха у потерпевшего [17, с. 130-131]. Последнее утверждение, сомнительно, так как рывок предполагает физические действия виновного и каких-либо проявлений психического насилия в себе не несет. По поводу первого утверждения Ф.Б. Гребенкина следует согласиться с Н.А. Лопашенко в том, что такой алгоритм должен быть при любой квалификации [34, с. 167].

С.В. Дубченко считает надлежащим квалифицировать как насильственный грабеж случаи:

– когда рывок следует после применения насилия; когда при рывке потерпевший пытается возратить имущество, после чего виновный в ходе борьбы прибегает к насилию;

– когда виновный оказывает непосредственное воздействие на тело потерпевшего (отнимая сумку, выкручивает пальцы или выворачивает руку жертвы).

Во всех этих случаях, по мнению автора, умысел виновного прямо направлен на хищение чужого имущества и на телесную неприкосновенность потерпевшего. Простой рывок и, соответственно, грабеж без насилия характеризуются действиями виновного, при которых он не соприкасается с телом потерпевшего, а воздействует только на предмет хищения [18, с. 105]. Однако, рывок, следующий

после применения насилия, остается за рамками насилия, на что автор указывает сам, и не всегда однозначно говорит о насильственном грабеже. Умысел виновного и характер насилия могут свидетельствовать о разбое.

В связи со сказанным интересен следующий пример из судебной практики.

Так, Гурин В.В. имея умысел на открытое хищение чужого имущества решил похитить золотые украшения с шеи ФИО2, и реализуя возникший умысел, направленный на открытое хищение чужого имущества, дождался когда ФИО2 вышла из магазина, проследовал за последней. Далее Гурин В.В., приблизился сзади к ФИО2 и действуя с целью подавления возможного сопротивления со стороны потерпевшей нанес один удар кулаком правой руки в область спины, таким образом, применил насилие, не опасное для жизни и здоровья. ФИО2, от полученного удара со стороны Гурина В.В. испытала сильную физическую боль. Далее, Гурин В.В. продолжая действовать целенаправленно, согласно умыслу, путем рывка, попытался открыто похитить с шеи ФИО2, принадлежащую последней золотую цепочку, однако с первого рывка у Гурина В.В. попытка не удалась, так как золотая цепочка оказалась достаточно крепкой. Гурин В.В. желая довести задуманное до конца, с силой повторил попытку, и путем рывка, открыто похитил с шеи ФИО2 золотую цепочку, при этом совершая вышеуказанные действия Гурин В.В. рукой вырвал клочок волос у ФИО2, причинил ей физическую боль и применил, таким образом, насилие не опасное для жизни и здоровья. После чего, Гурин В.В., желая сохранить похищенное имущество при себе, и беспрепятственно скрыться с места преступления, пытаясь оттолкнуть ФИО2 от себя, нанес один удар правой рукой в область шеи последней, таким образом, применил насилие не опасное для жизни и здоровья. С похищенным имуществом Гурин В.В. с места происшествия скрылся, распорядился похищенным по своему усмотрению. Действия виновного были квалифицированы судом по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т.е. как открытое хищение чужого имущества, совершенный с применением насилия не опасного для жизни и здоровья (Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 22.11.2017 г. по уголовному делу № 1-873/2017) [96].

Как можно заметить из данного примера, Гурин В.В., действуя с целью подавления возможного сопротивления со стороны потерпевшей, нанес один удар кулаком правой руки в область спины, таким образом, применил насилие, не опасное для жизни и здоровья. После чего уже совершил рывок. Как было отмечено выше, рывок, следующий после применения насилия, остается за рамками насилия, и справедливо также утверждение о том, что умысел виновного и характер насилия могут свидетельствовать о разбое.

Далее в рассматриваемом деле, суд указал на то, в результате рывка у потерпевшей был вырван клочок волос, чем ей была причинена физическая боль, Иными словами, посредством рывка к потерпевшей было применено насилие не опасное для жизни и здоровья. Кроме того, желая сохранить похищенное имущество при себе, т.е. с целью его удержания Гурин В.В. пытаясь оттолкнуть потерпевшую, нанес один удар правой рукой в область шеи последней, таким образом, применил насилие не опасное для жизни и здоровья.

Таким образом, в данном деле рывок был расценен судом как способ применения насилия не опасного для жизни и здоровья. Однако, скорее всего, следующие обстоятельства дела, позволили суду квалифицировать данный эпизод по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ: насилие, примененное в начале совершения хищения, с целью подавления возможного сопротивления, а также насилие не опасное для жизни и здоровье, примененное в отношении потерпевшей с целью удержания похищенного имущества.

Судебная практика и уголовно-правовая доктрина при оценке рывка, как способа совершения хищения, не ограничиваются только грабежом. Так, В.И. Плохова вообще ставит под сомнение квалификацию рывка как грабежа, так как «действия происходят незаметно; только лишившись своего имущества и увидев убегающего виновного с ним, потерпевший осознает случившееся» [38, с. 298]. Еще раньше признаки кражи в таких действиях видел Л. Белогриц-Котляревский указывая на факт обнаружения преступления уже после его совершения [8].

Оценивая позицию квалификации рывка как кражи, следует согласиться с В.В. Хилютой, который исключает оценку действий с помощью рывка как тайных

[62, с. 49]. Субъективный критерий указывает на то, что виновный отдает себе отчет в открытости своих действий, которые обязательно будут замечены потерпевшим или окружающими. Думается, невозможно представить ситуацию, когда срывание шапки отвернувшегося потерпевшего может остаться для него незамеченным. В этом и проявляется дерзость рывка. Виновный похищает имущество, допуская возможное сопротивление, но при этом нагло, вызывающе реализует свой преступный умысел.

Рывок в конкретном случае может выражать неопасное насилие, а иногда – и насилие, опасное для жизни или здоровья человека.

Так, Челябинский областной суд посчитал правильной квалификацию Металлургического районного суда г. Челябинска по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК действий Манапова. Действия Манапова выражались в том, что он рывками вырывал сумку из рук В., которая упала. Потерпевшая удерживала сумку при себе, после чего виновный протащил ее по асфальту, отчего она испытала сильную физическую боль (Определение Челябинского областного суда от 06.03.2017 г. по уголовному делу № 10-904/2017) [87]. В данной случае следует согласиться с квалификацией действий виновного, а также имеющим место неопасное насилие, которое выражено в том, что виновный волочил жертву по земле, чем причинил ей физическую боль.

Судебная практика иногда дает примеры квалификации рывка как разбойного нападения.

Так, А.И., подойдя к потерпевшей, толкнул ее и сильным рывком схватил ее сумку, от чего она упала на металлические перила, расположенные вдоль дороги, и в результате падения ударилась головой об них, получив рваную рану левого уха. Согласно заключению эксперта, потерпевшей были причинены телесные повреждения в виде раны левой ушной раковины, кровоподтека левого плеча и поясничных областей, ссадины левой поясничной области и левого голеностопного сустава. Центральный районный суд г. Сочи оценил рывок А.И. как разбой в связи с наступившими последствиями, связанными с причинением потерпевшей легкого вреда здоровью (Приговор Центрального районного Суда г. Сочи от 25.12.2014 г. по уголовному делу № 1-551/2014) [103].

Представляется, что оценка действий А.И., как разбоя, не является правильной, так как физические усилия А.И. были направлены на вырывание сумки, а не на то, чтобы применить насилие к потерпевшей. Насилие в виде легкого вреда здоровья, полагаем, выходит за рамки умысла виновного. Насилие в разбое рассматривается как способ достижения желаемого результата, соответственно, у виновного должен быть умысел на его применение, чего не наблюдаем в настоящем примере, что дает основание ставить под сомнение квалификацию суда.

Как можно заметить, сопутствующие рывку действия и возникающие последствия свидетельствуют, что при рывке может быть применено насилие, которое может иметь другой характер и должно получить принципиально другую оценку - как кражи, насильственного грабежа либо разбоя. Однако, рывок всегда исключает тайный характер, так как при рывке присутствует некоторый элемент физического воздействия. Рывком виновный демонстрирует действия, которые оцениваются потерпевшим как резкие, дерзкие. При краже же такое дерзкое, резкое физическое воздействие отсутствует, так как у потерпевшего с его имуществом нет непосредственного физического контакта [66, с. 21-22].

Таким образом, сам рывок не тождественен насилию, так как физическое воздействие при похищении посредством рывка не приобретает характер насилия над личностью, являясь направленным на имущество. Однако предшествующие или следующие за рывком действия могут образовать насилие над личностью, характер, интенсивность и направленность которого судам следует всегда определять, исходя из умысла виновного.

Соответственно, рывок и насилие следует различать. Отсутствие аутентичного толкования рывка компенсирует доктрина и судебная практика. Рывок свободен от признаков, которыми наполнено насилие, и можно с уверенностью утверждать, что эта разность еще больше убеждает нас в различной природе этих понятий, что обязательно следует учитывать в практике применения уголовного закона с целью единообразия.

Далее следует рассмотреть вопросы, возникающие на практике при отграничении грабежа от смежных составов преступлений.

В силу того, что кража и грабеж являются схожими, по составу, преступлениями, актуальна проблема правильной квалификации, то есть разграничения смежных деяний. Состав ст. 161 УК РФ (грабеж), как и ст. 158 (кража), состоит из четырех составляющих. Объектом грабежа, как и кражи, являются отношения, возникающие по вопросам собственности. Предметом преступления выступает движимое имущество. Субъект - вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления 14-ти лет. Грабеж – это деяние в виде открытого, в отличии от кражи, хищения чужого имущества. Субъективная сторона - вина в виде прямого умысла на открытое, при грабеже, и тайное, при краже, хищение чужого имущества в корыстных целях [54, с. 120].

По всему следует, что грабеж является более тяжким преступлением по отношению к краже в силу того, что тут бросается открытый вызов общественным устоям и закону. В связи с чем, наказание за совершение грабежа более строгое.

Однако иногда эти два деяния бывает трудно разграничить между собой. Так, в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 сказано «либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет». То есть, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются другими лицами (свидетелями), однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное должно быть квалифицировано как грабеж.

Так, Леванов Р.Д., имея умысел на тайное хищение чужого имущества, пришел в магазин, где находясь в торговом зале, подошел к стеллажу с алкогольной продукцией, установленной возле кассовой зоны, где увидел коньяк. С целью реализации своего преступного умысла, Леванов Р.Д. с целью материального обогащения, оглядевшись по сторонам и видя, что за его преступными действиями никто не наблюдает, похитил одну бутылку коньяка. В продолжение своего преступного умысла, Леванов Р.Д., удерживая похищенное имущество в руке, направился к выходу из магазина, но в этот момент сотрудник магазина, увидев факт хищения

товара, с целью пресечения противоправных действий Леванова Р.Л. потребовала от последнего остановиться и вернуть похищенный товар. Однако Леванов Р.Л. имея умысел на открытое хищение чужого имущества, предвидя наступление общественно опасных последствий своих действий и осознавая, что его преступные действия, стали очевидны для сотрудников магазина, игнорируя их требования остановиться и вернуть похищенный товар, выбежал из магазина, и с похищенным скрылся с места преступления, распорядившись в последствии похищенным имуществом по своему усмотрению (Приговор Центрального районного суд г. Тольятти самарской области от 06.02.2018 г. по уголовному делу № 1-79/2018) [93]. В результате с точки зрения субъективной стороны состава преступления, умысел преступника, после обнаружения, уже был направлен на открытое хищение чужого имущества.

Проблемными при разграничении кражи грабежа являются объективная и субъективная стороны состава преступления. А именно, направлен ли умысел на тайное хищение чужого имущества, при совершении общественно опасного деяния на камеру видеонаблюдения, или это уже все-таки открытое хищение?

В настоящее время, для повышения уровня безопасности и раскрытия преступлений, применяются камеры видеонаблюдения. Информацию о которых, мы получаем из объявлений о ведущейся видеозаписи. Другими словами, теперь, если совершается какое-либо преступление, оно совершается не только на виду у третьих лиц (свидетелей), но и фиксируется на видеозаписи с камер наблюдения. Однако, если при совершении кражи, в ходе которой, преступник замечает, что его действия замечены третьими лицами, перерастает в грабеж, то продолжаемые преступные действия, уже на камеру, так кражей и остаются. Логично предположить, что хищение чужого имущества, запечатленное на видеозаписи, в ходе просмотра которой ясно, что преступник видит, что его противоправные действия фиксируются камерой, также подлежит переквалификации из ст. 158 (кража) в ст. 161 (грабеж) УК РФ. Ведь лицо понимает, что его преступные действия будут зафиксированы на видеозаписи, и, тем не менее, продолжает совершение преступления, что говорит о его открытом вызове закону. Потому и в этой ситуации, с

точки зрения субъективной стороны, умысел также направлен на открытое хищение. Субъекту все равно, что его действия утратили тайный характер, и будут отображены на видеозаписи, в равной степени, как и безразлично, что его действия видят третьи лица (свидетели). Соответственно, так как деяние является уже более тяжким, и наказание должно быть более строгим, иначе не выполняется главная задача назначения наказания - исправление. У преступника, из-за наказания, которое почти или вовсе неощутимо, складывается осознание, что он «обманул» правосудие, что нисколько не останавливает, а только подстегивает к совершению новых преступлений.

Исходя из вышеизложенного, продолжаемые преступником общественно опасные действия, нацеленные на хищение чужого имущества, после обнаружения последним камеры, фиксирующей его противоправные намерения, что ясно прослеживается при просмотре видеозаписи, также квалифицировать как грабеж, как и при обнаружении свидетелей, осознающих преступность совершаемого. Потому как в подобной ситуации умысел преступника также направлен уже не на тайное, а на открытое хищение чужого имущества. Таким образом, целесообразнее квалифицировать подобные деяния, как ст. 161 УК РФ (грабеж), мотивируя тем, что более тяжкое преступление должно наказываться более строго, для достижения исправления, и исключения совершения преступных деяний в дальнейшем.

Следует также рассмотреть вопросы разграничения грабежа и вымогательства, которые не находят своего однозначного разрешения на практике, несмотря на разъяснения высшей судебной инстанции.

Как квалифицировать деяние, выразившееся в требовании о передаче имущества, прав на имущество или совершения действий имущественного характера, которое было удовлетворено сразу?

В юридической литературе по этому вопросу высказаны следующие суждения. Так, Г.Л. Кригер указывает, что в таких случаях возникает вопрос: совершено вымогательство или грабеж (разбой)? [30, с. 367]. В этом же издании Г.Л. Кригер указывает, что это вариант перерастания одного преступления в другое: вымога-

тельства в грабеж или разбой, в зависимости от того, угроза каким насилием была применена [30, с. 373].

В обвинительных приговорах судов также можно встретить формулировку «перерастание вымогательства в грабеж (разбой)». Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда, рассматривая кассационную жалобу осужденного, указала, что суд первой инстанции дал правильную оценку его действиям. В определении коллегия указывает, что когда требование передачи имущества под угрозой применения насилия (вымогательство) сопряжено с непосредственным его изъятием у потерпевшего, оно перерастает в насильственный грабеж (Определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 11.05.2011 г.) [88].

Представляется, что в данном случае вести речь о перерастании вымогательства в грабеж и разбой некорректно, так как момент окончания вымогательства связан с моментом предъявления требования, подкрепленного угрозой, и никакие последующие действия потерпевшего не могут изменить уже совершенное преступление и, соответственно, изменить его квалификацию. И, таким образом, передача потерпевшим имущества сразу уже никак не влияет на уголовно-правовую оценку содеянного. В данном случае необходимо правильно оценивать начатое общественно опасное деяние именно как хищение [63, с. 89].

Так, из материалов дела следовало, что осужденные Мусаев А.К.О., Копытин Е.П., Краснов Д.В. Киселев И.И. и Шестаков В.А., вступив в предварительный сговор на вымогательство денежных средств у ФИО1, под угрозой размещения в сети Интернет либо сообщения в полицию о его незаконных действиях в части распространения наркотических средств потребовали у него 100000 рублей.

Испугавшись угроз осужденных, а также примененного к нему насилия, ФИО1 сказал о наличии у него денег в сумме 6000 рублей, Копытин Е.П. взял у потерпевшего из кошелька 6000 рублей, затем, когда все прибыли в квартиру ФИО1, тот выдал им 8000 рублей, после чего занял у своего знакомого ФИО4 деньги в сумме 28000 рублей, которые тот перевел на банковскую карту потерпевшему, а он вместе с осужденными снял в банкомате указанную сумму и пере-

дал им. Однако и после завладения указанными денежными средствами осужденные продолжали требовать у ФИО1 передачи им 100000 рублей, для чего Копытин Е.П. взял у потерпевшего банковскую карту, куда велел тому перевести требуемую сумму.

Указанные действия осужденных квалифицированы были одним составом 163 ч. 2 п.п. «а», «в» УК РФ.

Однако такая квалификация указанных действий, по мнению судебной коллегии, является ошибочной.

В соответствии с п.10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» [75] в случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должно дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой.

Исходя из этого, когда достоверно установлено, что осужденные Мусаев А.К.О., Копытин Е.П., Краснов Д.В., Киселев И.И., Шестаков В.А. при совершении вымогательства 100000 рублей непосредственно изъяли и завладели имуществом потерпевшего, то их действия по преступному завладению денежными суммами 6000 рублей, 8000 рублей и 28000 рублей подлежат квалификации по ст. 161 ч.2 п.п. «а», «г» УК РФ, как открытое хищение чужого имущества по предварительному сговору группой лиц, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, по которой судебная коллегия назначила наказание с учетом фактической роли каждого осужденного и наличия смягчающих обстоятельств (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 г. по уголовному делу № 22-7471/2017) [85].

На практике возникают вопросы, как квалифицировать требование передачи чужого имущества с применением насилия или с угрозой его применения, когда часть имущества передана виновному немедленно, а передача другой предполагается в будущем? При ответе на данный вопрос необходимо отметить, что суще-

ствует негласное правило: если вымогатель изымает не то имущество, которое требовал ранее, а другое, то на практике содеянное всегда квалифицируется по совокупности преступлений – вымогательства и еще одного посягательства на собственность – грабежа или разбоя.

Подтверждением этому является следующий пример. Д. был признан виновным в совершении вымогательства и разбоя. Действуя группой лиц по предварительному сговору, Д. и К. угрожали убийством, избиением, требовали у потерпевшего передачи права на его дом и передачи 1,5 млн руб. Также в ходе совершения противоправных действий у потерпевшего виновные забрали телефон и 5 тыс. руб. (Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.08.2011 г.) [91]

Таким образом, в настоящий момент разъяснения высшей судебной инстанции о квалификации вымогательства, сопряженного с непосредственным изъятием имущества у потерпевшего, не разрешают всех вопросов квалификации вымогательства по совокупности с грабежом или разбоем, и представляется, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» должны быть внесены рекомендации относительно квалификации выше рассмотренных ситуаций требования чужого имущества.

Грабеж как преступление также необходимо отграничивать от мошенничества (ст. 159 УК РФ), поскольку эти хищения совершаются в присутствии собственников имущества или иных владельцев, однако при мошенничестве способ не носит дерзкого характера и заключается в обмане (введении потерпевшего в заблуждение) или злоупотреблении доверием.

Мошенничество не носит дерзкого характер в отличие от грабежа [69, с. 416]. Поэтому судебной практикой обоснованно содеянное квалифицируется как грабеж, когда виновные просят мобильный телефон у других лиц с целью «позвонить», «вызвать скорую» и т.д., а затем, после передачи им телефона, скрываются с похищенным. В данном случае способом является не мошеннический обман, а именно открытый способ, свойственный грабежу.

Кроме того, нельзя не упомянуть о том, что грабеж от мошенничества отличается также и по предмету: предметом мошенничества могут быть не только различные виды чужого имущества, но и право на имущество. Что же касается грабежа, то в рассматриваемом случае предметом может выступать только чужое имущество, поскольку грабеж носит исключительно предметный характер.

Как справедливо отмечается специалистами в области уголовного права, казуистическая формулировка диспозиции ст. 159.3 УК РФ привела к ряду проблем при разграничении мошенничества с использованием платежных карт с другими преступлениями [50, с. 50]. Данное обстоятельство усугубляется отсутствием официальной позиции Верховного Суда РФ по ряду вопросов, связанных с квалификацией специальных видов мошенничеств.

Обман при совершении мошенничества служит способом завладения имуществом, а не средством обеспечения доступа к нему.

В случаях, когда лицо с целью завладения банковской картой и дальнейшего ее использования применяет в отношении ее владельца насилие, не опасное для жизни и здоровья, квалификация действий по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ неверна, поскольку платежная карта не представляет материальной ценности и не обладает свойствами имущества, в связи с чем не содержит признаков предмета хищения. В таком случае применение насилия следует квалифицировать по ст. 116 УК РФ, а завладение картой, в зависимости от направленности умысла и иных обстоятельств дела, как приготовление (с учетом требований ч. 2 ст. 30 УК РФ) к мошенничеству с использованием платежных карт (ч. 1 ст. 30, ч. 3 или ч. 4 ст. 159.3 УК РФ) или к краже (ч. 1 ст. 30, ч. 3, 4 ст. 158 УК РФ) либо по совокупности как оконченные преступления, предусмотренные ст. 159.3 УК РФ или ст. 158 УК РФ, в случае доведения умысла, направленного на хищение денежных средств, находящихся на счете карты, до конца.

Однако практика идет другим путем, и лицу, совершившему вышеописанные действия, вменяется п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Так, 21.02.2015 г. Р. после отказа передать ему принадлежащую ФИОЗ банковскую карту, умышленно толкнул ее руками, от чего ФИОЗ упала на пол квар-

тиры. Затем, высказывая угрозы убийством, умышленно нанес лежащей на полу ФИОЗ удары руками и ногами по лицу и телу, от чего потерпевшая испытала физическую боль. С учетом создавшейся обстановки ФИОЗ вынужденно передала Р. принадлежащую ей банковскую карту и назвала ПИН-код. Р., завладев принадлежащей ФИОЗ платежной картой, проследовал к банкомату банка, где получил денежные средства, принадлежащие ФИОЗ, и распорядился ими по своему усмотрению. Действия Р. судом квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 20.04.2016 по делу № 1-238/2016) [98].

Вновь обращая внимание на то, что платежная карта не является предметом хищений, следует указать п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29, согласно которому кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению [32, с. 35-37].

Наибольшие проблемы на практике вызывает разграничение насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) и разбоя (ст. 162 УК РФ). Под разбоем ст. 162 УК РФ понимает нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Разбой является «наиболее опасной насильственной формой хищения. Это преступление посягает на два объекта: собственность и личность (жизнь и здоровье потерпевшего)» [36, с. 249]. Поскольку насильственный грабеж также посягает на собственность и личность, то разграничение указанных составов может производиться только по интенсивности насилия, применяемого в одном и другом случаях и содержанию угроз.

Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, применяемого при грабеже, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

Под насилием же, опасным для жизни или здоровья (ст. 162 УК РФ), Пленум Верховного Суда РФ предписывает понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья.

Опасным для жизни является насилие, «если способ его применения создает реальную угрозу наступления смерти, хотя бы это и не повлекло фактического причинения вреда здоровью (например, сдавливание шеи, длительное удержание головы потерпевшего под водой, столкновение с большой высоты)» [7, с. 42]. Если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить.

Так, нельзя признать правильной юридическую оценку преступления, совершенного осужденными Мусаевым А.К.О, Красновым Д.В., Опариным И.Ю., Киселевым И.И. и Копытиным Е.П., по разбойному нападению на потерпевшего ФИО2 в части завладения денежными средствами.

Судом было установлено, что осужденные ворвались в квартиру потерпевшего со словами «Где деньги, где дурь», стали обыскивать квартиру, снимали картины, лазали по шкафам, избивали ФИО2 как в подъезде, так и в квартире, на балконе, причем на балконе потерпевшему наносили удары Мусаев А.К.О и Копытин Е.П., а в комнате Копытин Е.П. ударил ФИО2 кулаком в область губы, что, согласно заключению эксперта, причинило ему легкий вред здоровью. После избиения и фиксации на камеру признания потерпевшего в распространении им наркотических средств, осужденные вместе с потерпевшим стали уходить, Копытин Е.П. при этом взял с собой пакет с деньгами в сумме 9300 рублей и сказал, чтобы готовили 200000 рублей для освобождения ФИО2, которого похитили и удерживали на даче до освобождения его сотрудниками полиции.

Фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что осужденные группой лиц по предварительному сговору незаконно проникли в жилище потерпевшего ФИО2 с целью завладения его имуществом, требуя выдать «деньги и дурь», нанося ему удары еще в подъезде, затем с корыстной целью избивали в квартире, после чего завладели денежной суммой.

Судебная коллегия полагает, что такие действия осужденных Мусаева А.К.О., Краснова Д.В., Киселева И.И., Опарина И.Ю., обусловленные предварительным сговором на открытое хищение чужим имуществом, принадлежащего ФИО2, с незаконным проникновением в жилище и с применением насилия, не опасного для его жизни и здоровья, подлежат квалификации по ст. 161 ч. 2 п.п. «а», «в», «г» УК РФ, по которой следует назначить наказание с учетом роли каждого осужденного и наличия смягчающих обстоятельств.

Применение насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, которому причинен легкий вред его здоровью, по мнению судебной коллегии, не охватывалось умыслом осужденных Мусаева А.К.О., Краснова Д.В., Опарина И.Ю., Киселева И.И.

Исследованные судом доказательства, характер причиненных повреждений, свидетельствуют о том, что в сговор с Копытиным Е.П. на применение такого насилия, осужденные не вступали.

Легкий вред здоровью потерпевшего причинен осужденным Копытиным Е.П., который нанес потерпевшему удар в область губы.

Исходя из п. 21 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 29 судебная коллегия пришла к выводу о том, что в действиях Копытина Е.П. содержится эксцесс исполнителя, содеянное им подлежит квалификации по ст. 162 ч.3 УК РФ, т.е. совершение разбойного нападения с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Квалифицирующий признак «совершение разбойного нападения по предварительному сговору группой лиц» подлежит исключению (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 г. по уголовному делу № 22-7471/2017) [85].

Выводы по второй главе работы:

1. Квалифицирующие признаки грабежа в целом совпадают с аналогичными признаками состава кражи (ст. 158 УК РФ), с некоторыми исключениями.

2. В п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 необходимо внести уточнение, исключив указание на квалификацию содеянного в обсуждаемом случае по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Тогда как образующаяся в данном случае группа лиц без предварительного сговора окажет влияние не на квалификацию деяния, а на наказание.

3. Целесообразно дополнить п. «в» ч. 3 ст. 161 УК РФ признаком «с незаконным проникновением в жилище», а из п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, данный признак исключить.

4. Состав грабежа является достаточно сложным. При этом трудности в квалификации возникают не только при отграничении грабежа от смежных составов преступлений, но и внутри самого состава.

Заключение

Уголовно-правовая характеристика грабежа, проведенная в рамках настоящего исследования, позволяет сделать следующие выводы.

В первой главе бакалаврской работы был проведен историко-правовой анализ грабежа и исследованы уголовно-правовые признаки данного состава преступления.

В истории развития уголовной ответственности за грабеж, можно выделить три этапа: 1) дореволюционный период, 2) советский период) и 3) постсоциалистический период. В советский период УК РСФСР 1922 г. впервые ввел определения грабежа. УК РСФСР 1960 г. реабилитировал грабеж как самостоятельный состав преступления. Основанием разграничения насильственного грабежа и разбоя являлась степень насилия, что нашло отражение и в ныне действующем Уголовном кодексе РФ (далее по тексту - УК РФ).

Рассматривая предмет грабежа, было обращено внимание на то, что недвижимое имущество может выступать лишь предметом тех хищений, в которых законодатель предусмотрел ответственность за завладение имуществом и правом на имущество, поскольку переход недвижимого имущества из собственности владельца во владение, пользование либо распоряжение виновного может быть осуществим лишь в том случае, когда лицо завладевает правом на данное имущество.

Таким образом, для разрешения обозначенной проблемы целесообразно внести изменений в диспозицию ч. 1 ст. 161 УК РФ и указать в ней на тот факт, что предметом грабежа может являться исключительно движимое имущество. С этой целью представляется возможным изложить ч. 1 ст. 161 УК РФ в следующей редакции:

«1. Грабеж, то есть открытое хищение чужого движимого имущества...».

Грабеж признается оконченным преступлением, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению.

Субъект грабежа - общий. Им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет и не обладающее никакими правомочиями в отношении изымаемого имущества.

Вторая глава была посвящена проблемам, возникающим при юридической оценке квалифицированного грабежа и его отграничению от смежных составов преступлений.

Проведенный анализ квалифицирующих признаков грабежа, позволил сделать вывод о том, что данные признаки в целом совпадают с аналогичными признаками состава кражи (ст. 158 УК РФ), с некоторыми исключениями.

По смыслу п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29-ФЗ, если после совершения разбойного нападения одного из лиц, заранее договорившихся совершить кражу или грабеж, другие соучастники присоединились к преступным действиям данного исполнителя в том смысле, что хотя и не применяли сами к потерпевшему насилие и не угрожали ему, но продолжили совершать хищение, то содеянное из кражи или грабежа переросло в совершение разбоя, в том числе и указанными лицами.

Более правильным в п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 было бы внести уточнение, исключив указание на квалификацию содеянного по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Тогда как образующаяся в данном случае группа лиц без предварительного сговора окажет влияние не на квалификацию деяния, а на наказание. О чем разъяснено в Пленуме в п. 12.

В бакалаврской работе было обращено внимание на то, что законодатель не унифицировал рассматриваемый квалифицирующий признак грабежа. Действительно, грабеж, совершенный с незаконным проникновением в жилище является более опасным способом совершения преступления, чем грабеж, совершенный с проникновением в помещение или иное хранилище. Проведенное исследование незаконного проникновения в жилище как способа совершения грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данные преступления посягают на неприкосновенность жилища, закрепляемой Конституцией РФ, а, следовательно, оно нуждается в

более надежной уголовно-правовой охране. Возникающие на практике затруднения при квалификации преступлений против собственности, совершенные с проникновением в жилище, предполагается решить ведением дополнений и уточнений в определение незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище. Под категорией проникновение в жилище следует понимать тайное или открытое вторжение в жилище или иное помещение, выражающееся в незаконном доступе к имуществу, совершенном как непосредственно, так и опосредованно, путем насилия (физического или психического), подкупа или обмана с целью совершения кражи, грабежа или разбоя.

В связи с чем, целесообразно дополнить п. «в» ч. 3 ст. 161 УК РФ признаком «с незаконным проникновением в жилище», а из п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, данный признак исключить.

Проведенный анализ юридических признаков грабежа, позволяет сделать вывод о том, что данный состав преступления является достаточно сложным. При этом трудности в квалификации возникают не только при отграничении грабежа от смежных составов преступлений, но и внутри самого состава.

В работы был рассмотрен один из спорных моментов, вызывающих трудности при квалификации грабежа на практике, а именно такой способ открытого хищения, как рывок. Наибольшее число дискуссий вызвано вопросом соотношения рывка и насилия, Стоит заметить, что рывок имеет в себе оценочные признаки, как и понятие «насилие». Следует обратиться к уголовно-правовой оценке изъятия имущества посредством «рывка», а также рассмотреть позиции судов относительно этого способа.

В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что сам «рывок» не тождественен насилию, так как физическое воздействие при похищении посредством рывка не приобретает характер насилия над личностью, являясь направленным на имущество. Однако предшествующие или следующие за рывком действия могут образовать насилие над личностью, характер, интенсивность и направленность которого судам следует всегда определять, исходя из умысла виновного.

Соответственно, рывок и насилие следует различать. Отсутствие аутентичного толкования рывка компенсирует, на наш взгляд, доктрина и судебная практика. Рывок свободен от признаков, которыми наполнено насилие, и можно с уверенностью утверждать, что эта разность еще больше убеждает нас в различной природе этих понятий, что обязательно следует учитывать в практике применения уголовного закона с целью единообразия.

Рассматривая вопрос отграничения кражи и грабежа, было обращено внимание на хищения, обнаруживаемые средствами видеофиксации. Продолжаемые преступником общественно опасные действия, нацеленные на хищение чужого имущества, после обнаружения последним камеры, фиксирующей его противоправные намерения, что ясно прослеживается при просмотре видеозаписи, правильно квалифицировать как грабеж, как и при обнаружении свидетелей, осознающих преступность совершаемого. Потому как в подобной ситуации умысел преступника также направлен уже не на тайное, а на открытое хищение чужого имущества. Таким образом, целесообразнее квалифицировать подобные деяния, как ст. 161 УК РФ (грабеж), мотивируя тем, что более тяжкое преступление должно наказываться более тяжело, для достижения исправления, и исключения совершения преступных деяний в дальнейшем.

Таким образом, приведенный в настоящем исследовании анализ состава грабежа позволяет предложить следующую редакцию ст. 161 УК РФ, в которой учтены все указанные выше замечания:

«Статья 161. Грабеж

1. Грабеж, то есть открытое хищение чужого движимого имущества, – ...
2. Грабеж, совершенный:
 - а) группой лиц по предварительному сговору;
 - б) утратил силу. – Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ;
 - в) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище;
 - г) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
 - д) в крупном размере, – ...

3. Грабеж, совершенный:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере, – ...

в) с незаконным проникновением в жилище;».

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // *Собрание законодательства РФ*. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
5. «Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
6. «Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).»
7. Башков А.В. Разбой: некоторые спорные вопросы квалификации // *Российское право: Образование. Практика. Наука*. – 2015. – № 6 (90). – С. 41-44.
8. Белогриц-Коляревский Л. О воровстве-краже по русскому праву. Выпуск первый. Киев, Университетская типография, 1880 г. [Электронный ресурс] // СПС Гарант (дата обращения: 15.05.2018 г.).
9. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.

10. Бокова И.Н. К вопросу определения предмета кражи в уголовном праве России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2005. – № 1. – С. 63-66.
11. Бондарь А.В., Старков О.В., Упоров И.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности. – Сыктывкар, 2003. – 266 с.
12. Борзенков Г.Н. Личная собственность под охраной закона. – М.: Знание, 1985. – 214 с.
13. Борисова О.В. Ответственность за хищение чужого имущества // СПС КонсультантПлюс. 2018 (дата обращения: 15.05.2018 г.).
14. Братанов В. В. Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 212 с.
15. Геворков Г.Э. К вопросу об объективной и субъективной сторонах грабежа // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 94-96.
16. Городенцев Г., Упоров И. Понятие присвоения и растраты вверенного имущества в уголовном праве России // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 41-44.
17. Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: дисс. ... канд. юрид. – М., 2004. – 198 с.
18. Дубченко С.В. Уголовно-правовая характеристика корыстно-насильственных преступлений: дисс. ... канд. юрид наук. – Тюмень, 2008. – 204 с.
19. Ермакова О. В. Момент окончания хищения: закон, теория, практика // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 44–46.
20. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / Под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2011. – 421 с.

21. Кириенко Н.Г. Судебная практика о характеристике насилия, не опасного для жизни или здоровья, при квалификации грабежа // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 14-2. – С. 36-40.
22. Клепицкий И.А., Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 1 / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 1032 с.
23. Клименко Ю.А. Экссесс соучастника преступления // Судья. – 2016. – № 4. – С. 22 - 24.
24. Колмаков Д.А. История развития уголовного законодательства о грабеже и разбое в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 11 (103). – С. 370-375.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 941 с.
26. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма-Инфра-М, 2011. – 840 с.
27. Кочои СМ. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М., 2000. – 277 с.
28. Краслянская Н.В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике состава кражи // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 2 (20). – С. 31-34.
29. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М.: Юридическая литература, 1974. – 37 с.
30. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2002. – 720 с.
31. Курс уголовного права / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – М.: Зерцало-М, 2012. Т. 3. Особенная часть. – 689 с.
32. Лихолетов А.А. Проблемы разграничения мошенничества с использованием платежных карт с другими составами преступлений // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 35 - 37.

33. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с.
34. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
35. Лукин В.К., Хуако Х.Ш. Правовая характеристика предмета преступления против собственности в виде грабежа // Естественно-гуманитарные исследования. – 2015. – № 10 (4). – С. 63-66.
36. Маринкин Д. Н. К вопросу о квалификации разбоя по уголовному законодательству России // ИСОМ. – 2013. – № 6. – С. 247-251.
37. Питулько К.В., Коряковцев В.В. Уголовное право. Особенная часть: Учеб. пособие. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 650 с.
38. Плохова В.И. Криминологическая и правовая обоснованность составов насильственных преступлений против собственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 470 с.
39. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997. – 624 с.
40. Рогова Н.Н. Некоторые вопросы квалификации групповых хищений // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 65-68.
41. Российское уголовное право. Особенная часть/Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997. – 680 с.
42. Российское законодательство X - XX веков. Т.1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – 770 с.
43. Российское законодательство X - XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985. – 867 с.
44. Российское законодательство X - XX веков. Т.3. Акты Земских Соборов. – М., 1985. – 833 с.
45. Российской законодательство X - XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1986. – 944 с.

46. Российское законодательство X - XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., 1994. – 966 с.
47. Сидорова А.В. Объективные признаки кражи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11 (302). – С. 105-109.
48. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. – М.: Изд-во юрид. института МВД РФ, 1993. – С. 7-8
49. Скляр С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества// Российская юстиция. – 2001. – № 6. – С. 12-14.
50. Смолин С.В. Мошенничество с использованием платежных карт // Законность. – 2016. – № 1. – С. 48-52.
51. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. – М.: МВД РФ ФКУ «ГИАЦ», 2017. – 54 с.
52. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. – М.: МВД РФ ФКУ «ГИАЦ», 2018. – 53 с.
53. Состояние преступности в России за январь-март 2018 года. – М.: МВД РФ ФКУ «ГИАЦ», 2018. – 54 с.
54. Уголовное право России в схемах и определениях: учебное пособие / Под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2016. – 967 с.
55. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2011. – 660 с.
56. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2012. – 670 с.
57. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Юристъ, 2011. – 720 с.
58. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: Норма-Инфра-М, 2010. – 680 с.
59. Упоров И.В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном уложении 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2016. – № 1-2 (7). – С. 380-384.

60. Устинов В.С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). – Н. Новгород, 1998. – 214 с.
61. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. – 240 с.
62. Хилюта В.В. «Рывок»: проблемы квалификации ненасильственного хищения // Законность. – 2013. – № 10. – С. 47-50.
63. Цой Л.В. Квалификация вымогательства по совокупности с другими преступлениями против собственности // Гражданское общество и правовое государство. – 2015. – Т. 2. – С. 88-90.
64. Челябова З.М. Проблемы квалификации вымогательства, совершенного с применением насилия: практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 21-27.
65. Челябова З.М. Уголовно-правовая характеристика ответственности за грабеж и разбой в советский период // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (51). – С. 220-224.
66. Челябова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – 29 с.
67. Черкашин В.А. Развитие уголовного законодательства России об ответственности за совершение грабежей и разбоев в X - начале XX вв. // Общество и право. – 2005. – № 1 (7). – С. 217-220.
68. Чернышева Л.В. Хищение чужого имущества, совершенное в форме грабежа: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 23 с.
69. Четырин Н. А. Проблемы квалификации мошенничества // Вестник ТГУ. – 2009. – № 1. – С. 416-418.
70. Шмытов И.М. Уголовно-правовой анализ понятия и признаков предмета хищения по действующему законодательству // Устойчивое развитие науки и образования. – 2017. – № 5. – С. 182-183.

71. Шурухнов Н.Г. Расследование краж: Практическое пособие. – М.: Юристъ, 2009. – 260 с.
72. Щербакова Е.О. Грабеж чужого имущества: проблемы уголовно-правовой регуляции и противодействия (на материалах Южного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 30 с.
73. Яни П. С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. – 2016. – № 2. – С. 38-44.
74. Яни П.С. Мошенничество и иные преступления против собственности: уголовная ответственность. – М.: Интел-Синтез, 2002. – 270 с.
75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.
77. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.06.2015 г. № 69-УД15-11 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
78. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.01.2017 г. № 48-АПУ16-47 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
79. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 30-АПУ17-4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
80. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.08.2016 N 73-АПУ16-14 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).
81. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 24.11.2015 г. Дело № 22-3178 [Элек-

тронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

82. Постановление Президиума Амурского областного суда от 15.02.2016 г. № 44У-128/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).

83. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.09.2017 г. по делу № 22-6867/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).

84. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного Суда от 27.03.2018 г. по уголовному делу № 22-1495/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

85. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 г. по уголовному делу № 22-7471/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

86. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 18.03.2016 г. Дело № 22-30/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

87. Определение Челябинского областного суда от 06.03.2017 г. по уголовному делу № 10-904/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

88. Определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 11.05.2011 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

89. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.06.2016 г. по делу № 10-9520/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).

90. Апелляционное определение Московского городского суда от 29.06.2017 г. по делу № 10-9352/2017 [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).

91. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.08.2011 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения: 20.04.2018 г.).

92. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2011 года / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 10.02.2011 г. [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 20.04.2018 г.).

93. Приговор Центрального районного суд г. Тольятти самарской области от 06.02.2018 г. по уголовному делу № 1-79/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

94. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.03.2018 г. по уголовному делу № 1-115/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

95. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.03.2018 г. по уголовному делу № 1-78/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

96. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 22.11.2017 г. по уголовному делу № 1-873/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://avtozavodsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

97. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 17.08.2016 г. по уголовному делу № 1-312/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.05.2018 г.).

98. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 20.04.2016 по делу N 1-238/2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru>. (дата обращения: 20.04.2018 г.).

99. Приговор Завьяловского районного суда Алтайского края от 28.02.2014 г. по уголовному делу № 1-13/2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

100. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула от 29.10.2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

101. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула от 29.12.2014 г. по уголовному делу № 1-789/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

102. Приговор Кировского района г. Астрахани от 21.05.2014 г. по уголовному делу № 1-166/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

103. Приговор Центрального районного Суда г. Сочи от 25.12.2014 г. по уголовному делу № 1-551/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

104. Приговор Кировского района г. Омска от 25.01.2014 г. № 1-43/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

105. Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 18.06.2014 г. по уголовному делу № 1-190/14. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

106. Приговор Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 16.05.2013 г. по уголовному делу № 1-142/2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

107. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 15.08.2012 г. по уголовному делу № 1-478/2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

108. Приговор Промышленновского суда Кемеровской области от 19.06.2012 г. по уголовному делу № 1-134/2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).

109. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 18.08.2011 г. по уголовному делу № 1-411/2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular>. (дата обращения. 20.04.2018 г.).